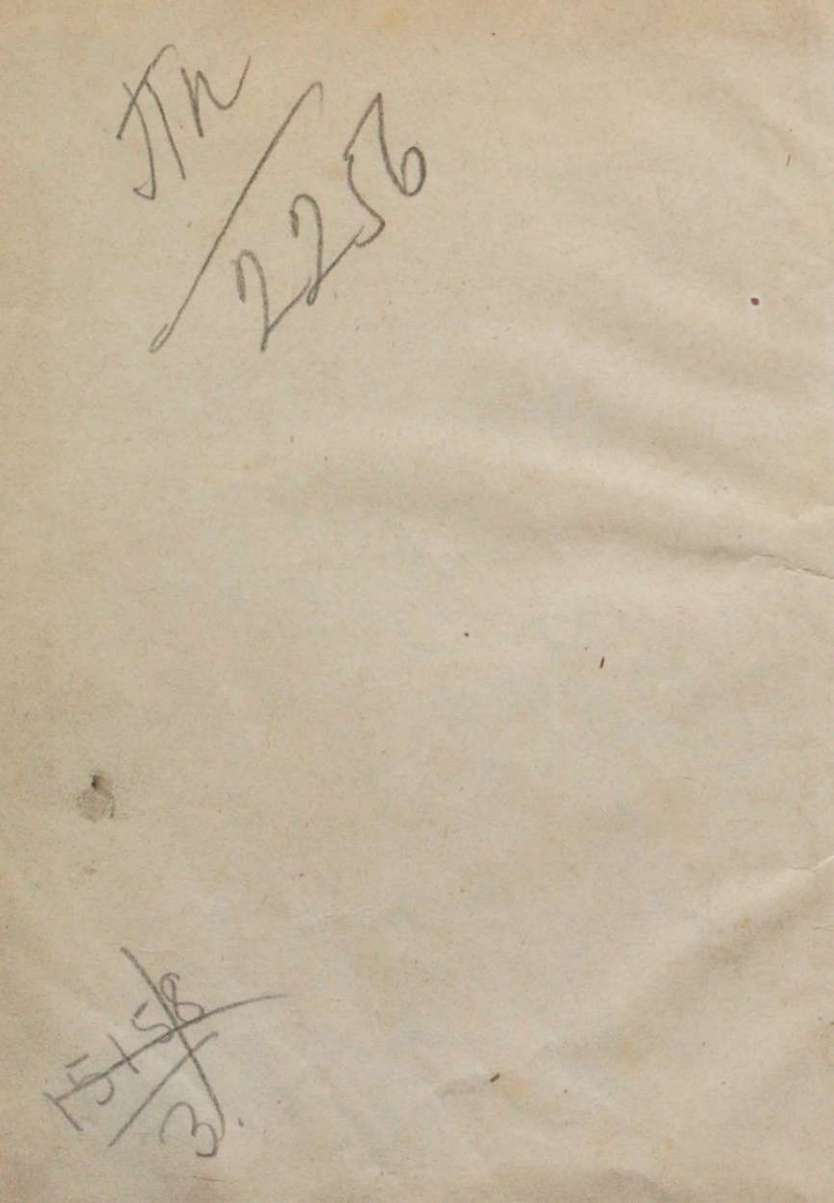
2256

ПЕРВАЯ КНИГА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ

ПОСЛѢ АЗБУКИ.

СОСТАВЛЕННАЯ

Ксенофонтомъ Полевымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Продается у издателя, С. Петербургскаго книгопродавца **ВАСИЛІЯ ПЕТРОВА ПОЛЯКОВА**, въ Гостиномъ дворѣ, по Суконной Линіи, подъ № 17.

1851.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 12 Октября 1848 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

Въ типографіи Морскаго Кадетскаго Корпуса.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ послѣднія десять лѣтъ издано у насъ нѣсколько книгъ для первоначальнаго чтенія, и просвѣщенное правительство наше всевозможно поощряетъ подобныя изданія, предлагая даже награды тѣмъ, кто лучше составитъ книгу такого рода. Въ благомъ дѣлѣ народнаго просвѣщенія каждый обязанъ трудиться по силамъ своимъ, и мы думаемъ, что новая книга для перваго послѣ азбуки чтенія не будетъ лишнею. Называя ее «первою послѣ азбуки книгою,» мы показываемъ, что она составлена для тѣхъ, кто еще не читалъ ничего, слѣдовательно не имѣетъ никакихъ правильныхъ понятій о мірѣ, и долженъ начинать чтеніе, а вмѣстѣ съ нимъ и образованіе свое, съ самыхъ простыхъ понятій, и отъ нихъ постепенно переходить къ понятіямъ сложнымъ, или выведеннымъ изъ другихъ, и къ сужденіямъ. Мы не говоримъ, что книга наша назначается исключительно для дѣтей: нѣтъ, она можетъ быть первымъ чтеніемъ и для взрослыхъ, не получившихъ никакого образованія и потому остающихся при дѣтскихъ понятіяхъ даже въ зрѣломъ возрастѣ. Иное дитя десяти лѣтъ имѣетъ больше понятій и даже свѣдѣній и привычки къ сужденію

нежели двадцатилѣтній простолюдинъ, который только укрѣплялся тѣломъ и пріучилъ свой умъ къ неподвижности. Для него такъ же ново все въ мірѣ, какъ для ребенка, еще не знающаго ничего отъ слабости умственныхъ способностей, естественной въ дѣтскомъ возрастѣ. Потому книга наша можетъ быть равно пригодна къ употребленію въ первоначальныхъ дѣтскихъ школахъ, въ сельскихъ и воскресныхъ училищахъ, и при первоначальномъ самообразованіи. Можемъ признаться откровенно, что главною цѣлію нашею при составленіи этой книги былъ тотъ, къ счастію, уже многочисленный классъ людей, который, по необходимому направленію просвѣщеннаго государства, безотчетно жаждетъ образовать себя, выучивается читать не смотря ни на какія затрудненія, и начиная кой-какъ *почитывать*, не находитъ книгъ. Во всѣхъ городахъ Россіи, проходя мимо какой нибудь бѣдной лавочки или хижины, не рѣдко увидите мальчика, читающаго Богъ знаетъ какую книжку, которой онъ на половину не понимаетъ, а что́ и понимаетъ, то едва ли въ пользу свою. Такимъ-то труженикамъ и бѣднякамъ особенно посвящается наша книжка. Желаемъ, чтобы она послужила имъ путеводною нитью на пути просвѣщенія. Ихъ жребій заслуживаетъ участія гораздо больше нежели участь тѣхъ счастливыхъ дѣтей, которыя учатся въ школахъ, гдѣ заботятся о развитіи дѣтскихъ понятій. Но и тамъ нѣтъ удовлетворительной книги для первоначальнаго чтенія. Намъ извѣстно, что бывшій попечи-

тель императорскаго московскаго университета, графъ С. Г. Строгановъ, вельможа столько же просвѣщенный сколько щедрый во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ объ образованіи юныхъ поколѣній, употреблялъ собственныя значительныя суммы на изданіе книгъ для первоначальнаго чтенія, писанныхъ по порученію его извѣстными литтераторами, и не могъ достигнуть своей благородной цѣли, потому что опытъ показалъ неудовлетворительность книгъ, изданныхъ его заботливостію и щедростію.

При составленіи нашей книги, мы старались сдѣлать ее не энциклопедіею, а понятнымъ и полезнымъ сборникомъ для тѣхъ, кто прежде не читалъ ничего. Изъ одной, небольшой книги, нельзя научиться многому, если взять и одинъ какой нибудь предметъ науки, а потому-то мы отринули мысль познакомить нашего читателя съ словесностью, съ космографіею, или съ подобными обширными и требующими большихъ изученій предметами. Довольно если онъ узнаетъ кое-что, необходимое для того чтобы не быть невѣждою. Мы заботились всего больше соблюдать постепенность въ чтеніи, то есть чтобы читатель нашъ переходилъ отъ первыхъ, простѣйшихъ понятій и свѣдѣній, которыя извѣстны всякому ребенку безъ книгъ къ понятіямъ и свѣдѣніямъ, основаннымъ уже на нихъ, или на правильныхъ выводахъ изъ предъидущаго. Потому-то для чтенія этой книги не нужно никакихъ приготовленій: надобно только читать ее постепенно, то есть не пропуская ничего

и не перескакивая черезъ нѣсколько страницъ. Мы признали однакожь необходимымъ, для пріученія нашихъ читателей къ правильному произношенію словъ, означить, на трехъ первыхъ страницахъ, ударенія. Далѣе уже не означаемъ удареній, полагая, что читатель, самый неопытный, привыкнетъ правильно выражать ихъ голосомъ, когда будетъ обращено его вниманіе на этотъ предметъ.

Если *Первая книга для чтенія* окажется удовлетворительною и заслужитъ вниманіе, мы готовы издать *вторую книгу*, которая будетъ постепеннымъ чтеніемъ при переходѣ отъ издаваемой нынѣ.

Да благословитъ Богъ наше доброе намѣреніе! . . Безъ этого тщетны всѣ усилія человѣческія.

—

ЧТЕНІЕ.

Кто вы́учился чита́ть, тотъ мо́жетъ узна́ть мно́гое. Онъ мо́жетъ чита́ть кни́ги, а въ кни́гахъ най́детъ описа́ніе и истолкова́ніе всего́, о чемъ взду́маетъ.

Нельзя́ узна́ть всего́ вдругъ. Снача́ла на́добно было научи́ться чита́ть, а по́слѣ э́того на́добно понима́ть что́ чита́ешь.

Сперва́ ты вы́училъ *бу́квы*, А, Б, В, Г, и другі́я; пото́мъ вы́учился скла́дывать изъ нихъ *сло́ги*: *ба*, *бро*, *здрав*, и про́чія; а изъ *сло́говъ* на́чалъ скла́дывать цѣлыя слова́: *ба́ба*, *здра́вствуй*, и всѣ другі́я.

А умѣешь-ли ты произноси́ть, и́ли выгова́ривать слова́?

Замѣтилъ-ли ты, что въ ка́ждомъ сло́вѣ, когда́ оно́ соста́влено изъ двухъ, трехъ и бо́льше сло́говъ, ты произно́сишь оди́нъ слогъ сильнѣе не́жели другіе? Наприме́ръ, прочита́й сло́во: *голова́*. Тутъ слы-

шно, что на послѣднемъ слогѣ твой голосъ какъ будто сталъ громче, сильнѣе, такъ что первые два слога: *го* - *ло* - ты произнесъ ровно, просто, а на послѣднемъ: *ва*, будто *пріударилъ* голосомъ. Вотъ это и называется *удареніемъ* въ словахъ. Ударенія надобно наблюдать при чтеніи, то есть ударять голосомъ на тѣхъ слогахъ, гдѣ должно. Но покуда ты привыкнешь произносить слова правильно, замѣть, что въ этой книжкѣ, здѣсь, поставленъ надъ каждымъ словомъ, которое составлено не изъ одного слога, знакъ, въ видѣ палочки: этотъ слогъ и надобно произносить тверже, сильнѣе, или, какъ говорится, *сдѣлать на немъ удареніе*. Если не станешь наблюдать этого, то иногда будешь выговаривать совсѣмъ не то, что надобно: и самъ себя не поймешь, и другіе не поймутъ тебя. Напримѣръ, въ словѣ: *мука*, если ты сдѣлаешь удареніе на первомъ слогѣ, то это слово будетъ значить *мученіе*, а если сдѣлаешь удареніе на второмъ слогѣ, то слово это будетъ означать *муку*, изъ которой пекутъ хлѣбъ и прочее. Такихъ словъ, гдѣ отъ ударенія зависитъ смыслъ, множество; да и во всякомъ словѣ необходи-

мо правильное удареніе, потому, что иначе оно уже не будетъ настоящимъ словомъ.

Напримѣръ, если произнести слѣдующія слова такъ: *улица, хороша уронилъ*—всякой скажетъ, что ты не умѣешь говорить. Одинъ мальчикъ, читая книгу, встрѣтилъ въ ней слѣдующія слова: » Она была сорока пяти лѣтъ.» А рѣчь шла о женщинѣ. Онъ произнесъ слово:» сорока» сдѣлавъ удареніе на второмъ слогѣ—и задумался.» Какъ-же это?» думалъ онъ.» Женщина—*сорока* пяти лѣтъ?» Думалъ, думалъ и спросилъ у кого-то посмышленѣе его:» Какъ могла быть *женщина—сорока*, да еще и *пяти лѣтъ*?» Тотъ посмѣялся надъ нимъ и растолковалъ ему, что онъ неправильно сдѣлалъ удареніе, и что надобно только произнести:» сорока пяти лѣтъ,» такъ все и будетъ ясно.

И такъ, наблюдай ударенія въ произношеніи словъ, и, благословясь, читай. Ты еще не читалъ ничего, такъ все будетъ ново и любопытно для тебя въ этой книгѣ.

—

БОЖІЙ МІРЪ.

Все что существуетъ и что было прежде насъ, все достойно удивленія, и чѣмъ больше станемъ мы узнавать это, тѣмъ больше будемъ изумляться. Взгляни на Божій міръ! Какъ онъ прекрасенъ, и какъ удивительно устроенъ!

Поговоримъ прежде всего о немъ. Мы видимъ горы, долины, лѣса, травы, цвѣты, рѣки, озера, пруды, поля, луга, и посреди всего этого безчисленное множество животныхъ. Разнообразные звѣри расхаживаютъ и прыгаютъ въ лѣсахъ, разноцвѣтныя птицы летаютъ и порхаютъ въ воздухѣ; пестрыя бабочки перелетаютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ; множество рыбъ плаваютъ въ водѣ; тысячи всякихъ мушекъ и козявокъ встрѣчаются на каждомъ шагу; на небѣ видимъ лучезарное солнце, которое восходитъ поутру и заходитъ вечеромъ. Ночью на небѣ является столько блестящихъ звѣздъ, что сосчитать ихъ невозможно. Ближе къ намъ плыветъ по небу луна. Какъ все это удивительно, и какъ великъ долженъ быть міръ, потому что нигдѣ не видно конца его!

А развѣ не удивительно, что послѣ холодной зимы настаетъ радостная весна! Ледъ и снѣгъ исчезаютъ и вмѣсто нихъ являются на землѣ травы и цвѣты, листья на деревьяхъ, и весь воздухъ опять наполняется разнообразными, живыми существами, воды текутъ какъ живыя, и отъ теплоты все растущее на землѣ цвѣтетъ и зрѣетъ. Дни дѣлаются такъ долги; что кажется, будто нѣтъ ночей. Но когда все созрѣетъ, когда соберутъ травы всякаго рода и плоды, дни опять уже коротки, воздухъ туманится, начинаются холода, и опять настается зима. Все какъ будто умерло и покрыто снѣгомъ и льдомъ; но все опять воскреснетъ и оживится при наступленіи весны. Кто-же устроилъ и кто дѣлаетъ все это такъ удивительно? Развѣ можетъ что нибудь дѣлаться само собою? Да и кто въ силахъ двигать и поддерживать и возрождать все это?... кто?... Богъ! Богъ создалъ все это! Онъ творецъ всего, онъ даетъ жизнь всему и поддерживаетъ, возраждаетъ не только все что мы видимъ, но и насъ самихъ, и все что было прежде насъ и что только можетъ совершиться на землѣ и въ небесахъ, все дѣло рукъ Его!

На землѣ живутъ тысячи тысячь животныхъ, и всѣ находятъ себѣ пищу во всякое время года. Богъ питаетъ всѣхъ и управляетъ всѣмъ. Онъ создатель и повелитель всего, Онъ всегда и вездѣ, и въ каждомъ созданіи мы видимъ Его, его твореніе, его волю. Онъ можетъ все, онъ видитъ все, и потому-то Его называютъ Всемогущимъ, Всевидящимъ, Вездѣсущимъ, Вѣчнымъ, Безконечнымъ. Кромѣ Бога, все измѣняется и перемѣняется: онъ одинъ

Духъ, всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста, нѣтъ причины,
Кого никто постичь не могъ;
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ — Богъ!

Ему подвластно все; Онъ властитель всякаго созданія. По его волѣ дуетъ вѣтеръ, цвѣтутъ деревья, созрѣваютъ овощи и плоды, зеленѣютъ и падаютъ листья, снѣгъ или трава покрываютъ землю, и совершается все, что Ему угодно. Богъ управляетъ и нашими мыслями и всѣми нашими дѣйствіями, и всѣми явленіями въ мірѣ, такъ что даже волосъ съ

головы нашей упадаетъ не иначе какъ по его волѣ. Онъ заботится обо всемъ, что живетъ на землѣ. Онъ отецъ всѣхъ людей, и только по его благости мы живемъ и наслаждаемся всѣми благами жизни. Тамъ, гдѣ человѣческая помощь не можетъ сдѣлать ничего, Онъ является нашимъ хранителемъ и избавителемъ отъ всѣхъ болѣзней и несчастій. Онъ любитъ равно всѣхъ насъ, и только не доброе, злое противно Ему; но Онъ такъ милосердъ, что для спасенія нашего и для указанія намъ вѣчныхъ истинъ и законовъ своихъ, и для наставленія насъ въ томъ, какъ достигнуть блаженства въ здѣшней и будущей жизни, послалъ на землю Единороднаго Сына своего, Господа нашего Іисуса Христа, который жилъ между людьми, показалъ имъ и научилъ ихъ какъ должно поступать, какъ любить другъ друга, какъ достигать вѣчнаго блаженства. Такимъ образомъ Богъ заботится не только о каждомъ днѣ и каждой минутѣ нашего существованія, но и обо всемъ, что должно быть для насъ въ будущемъ. Потому-то нѣтъ человѣка въ мірѣ, который не чувствовалъ-бы ежеминутно благодарности къ Богу, не покланялся

Ему при одной мысли о Немъ, и не молился ему когда только можно. Бывали такіе недобрые и глупые люди, которые хотѣли противиться волѣ Божіей — а одно помышленіе о томъ есть уже величайшее и самое тяжкое преступленіе — но какъ они были несчастны! И Богъ такъ милосердъ къ каждому человѣку, что Онъ умѣетъ исправлять злыхъ и порочныхъ, наказываетъ ихъ какъ отецъ, и снова обращаетъ къ добру. Потому каждый изъ насъ, да, каждый, кто не безуменъ, кто желаетъ самому себѣ счастія и вѣчнаго блаженства, долженъ только благодарить нашего Всемогущаго Творца, за всѣ его безпрерывныя и нескончаемыя милости. Если мы любимъ нашего роднаго отца за его любовь и благодѣянія къ намъ, то нельзя довольно любить и довольно покланяться общему всѣхъ насъ Отцу и Богу! Отъ него дано намъ все, онъ безпрерывно вновь награждаетъ насъ своими благодѣяніями, и первая, самая главная наша обязанность: «Любить Бога всею душою, всемъ сердцемъ и всѣми помышленіями нашими!» Надобно помнить, что Богъ всегда съ нами, все видитъ, знаетъ всѣ наши мысли, и обмануть его

или укрыться отъ него нельзя. При всякомъ дѣлѣ, при всякомъ случаѣ надобно обращаться къ Нему, молиться Ему, то есть благодарить Его за все и просить его милосердія. Онъ слышитъ всякую молитву и никогда не отвергаетъ ея.

А какъ надобно молиться? Сперва подумать къ Кому мы обращаемся — къ Богу, къ Всемогущему, отъ котораго зависитъ все, который въ одно мгновеніе можетъ опровергнуть міръ и все существующее на немъ; но Онъ такъ милосердъ, что слышитъ всякую мольбу нашу и исполняетъ все, что ко благу нашему. Сообразивши это, надобно съ благоговѣніемъ и съ чистымъ сердцемъ повторять и чувствовать молитву, которой научилъ людей самъ Богъ, Господь Іисусъ Христосъ, и которая отъ того называется

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ.

Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! Да святится имя Твое, да пріидетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли; хлѣбъ нашъ насущный даждь

намъ днесь, и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ, и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго; яко Твое есть царство, и сила, и слава, нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ, аминь.

Въ этой молитвѣ соединено все, о чемъ только можемъ мы просить Бога, и чѣмъ больше человѣкъ станетъ размышлять надъ нею, тѣмъ больше станетъ удивляться премудрости ея, ибо она сказана самимъ Богомъ.

Можетъ быть, по слабости разсудка и по малой опытности твоей, эта священная молитва не совсѣмъ понятна тебѣ? Въ такомъ случаѣ, обратись къ своему приходскому священнику, и попроси его объяснить ее тебѣ: ничѣмъ больше ты не доставишь ему удовольствія, а себѣ пользы.

Кромѣ того, есть много молитвъ, составленныхъ святыми мужами: надобно повторять и ихъ. Наконецъ, ты бываешь въ церкви: тамъ слышишь ты общее моленіе Христіанъ! Старайся понимать смыслъ

произносимыхъ тамъ молитвъ и пѣснопѣній. Но, главное, молись отъ чистаго сердца, съ чистымъ умиленіемъ и благодарностью къ Богу: Онъ понимаетъ каждое твое слово и даже каждое твое помышленіе. Бесѣдуй съ Богомъ, какъ бы ты говорилъ съ лучшимъ своимъ другомъ, отцомъ, благодѣтелемъ, съ самимъ собою. Чѣмъ откровеннѣе молитва, тѣмъ доступнѣе она къ Богу.

Каждый Христіанинъ обязанъ знать исторію Вѣры своей. Изъ нея онъ узнаетъ велѣнія Божіи, отъ начала міра, до утвержденія и распространенія на землѣ Христова ученія. Для этого надобно читать книги, изданныя о церковной исторіи, а болѣе всего *Ветхій и Новый Завѣтъ*, иначе называемый *Библіею*.

—

ВСЕЛЕННАЯ.

Кто можетъ безъ удивленія смотрѣть на небо ночью, когда на немъ блистаетъ безчисленное множество звѣздъ? И какъ это высоко, далеко отъ насъ! какъ много мѣста занимаетъ!... Но ты еще больше

удивишься, когда узнаешь, что мѣсту этому нѣтъ конца, и звѣздамъ нѣтъ числа, такъ что мы не можемъ вообразить себѣ ни всего объема, или *пространства*, занимаемаго звѣздами, ни сосчитать всѣхъ звѣздъ. Потому-то это называется уже не *міромъ*, какъ та Земля, на которой мы живемъ, а *вселенною*, то есть всѣмъ, что существуетъ въ пространствѣ, которому нѣтъ ни мѣры, ни границъ. При взглядѣ на небо человѣкъ чувствуетъ всемогущество Бога, и невольно смиряется передъ его величіемъ и премудростью. Но Богъ вселилъ въ насъ также стремленіе узнавать дѣла и твореніе Его, и чѣмъ больше мы разсматриваемъ и узнаемъ ихъ, тѣмъ больше удивляемся и благоговѣемъ передъ Нимъ.

Эти блестящія звѣзды, которыя мы видимъ на небѣ, кажутся намъ маленькими оттого, что онѣ далеко отъ насъ. А какъ онѣ далеко, объ этомъ можно судить потому, что наше солнце, которое кажется намъ такимъ огромнымъ, гораздо меньше многихъ изъ нихъ. А оно тоже звѣзда, только гораздо ближе къ намъ. Другія звѣзды, напротивъ, такъ далеко отъ насъ, что мы даже не видимъ ихъ.

Замѣть, въ ясную ночь, почти по самой срединѣ и въ вышинѣ неба, какъ-будто туманныя бѣлыя полосы: это также звѣзды, но онѣ слишкомъ далеко отъ насъ и ихъ такъ много, что онѣ сливаются какъ бы въ одну длинную, бѣлую полосу, которая и называется *млечный* (то есть *молочный*) *путь*. Вотъ какъ много звѣздъ и какъ онѣ далеко отъ насъ! Ученые люди безпрерывно занимаются наблюденіемъ звѣзднаго неба, и при помощи разныхъ инструментовъ, зрительныхъ трубъ, увеличительныхъ стеколъ, и многихъ вычисленій, они открыли чрезвычайно любопытныя, удивительныя истины. Напримѣръ, они узнали разстояніе нѣкоторыхъ звѣздъ отъ земли, видъ ихъ, узнали какъ онѣ обращаются или вертятся въ небѣ, а нѣкоторыя безпрерывно двигаются, описывая круги. Земля наша также звѣзда, и она, посреди другихъ звѣздъ, совершаетъ назначенное ей движеніе. Вотъ какъ это происходитъ. *Солнце* наше утверждено въ назначенномъ ему мѣстѣ вселенной и вертится безпрестанно на этомъ мѣстѣ само собою. Оно кругло, какъ шаръ и блистаетъ тѣмъ лучезарнымъ свѣтомъ, который

освѣщаетъ нашу Землю. Земля наша также кругла, безпрерывно летитъ вокругъ солнца, и описываетъ немного-продолговатый кругъ, пока долетитъ до того мѣста, гдѣ была сначала, и откуда не останавливаясь начинаетъ снова такой - же кругъ. Въ тоже время она обращается вокругъ самой себя, какъ мячикъ, который летя вертѣлся бы. Это круговое движеніе Земли продолжается 365 дней съ небольшимъ, то есть Земля 365 разъ обернется вокругъ самой себя, покуда не придетъ на прежнее мѣсто и не начнетъ снова описывать такой же кругъ. Земля перевертывается въ сутки, или въ 24 часа. Отъ всего этого движенія Земли вокругъ солнца, и вокругъ самой себя, происходятъ у насъ зима и лѣто, весна и осень, день и ночь, и оттого считаемъ мы время сутками, мѣсяцами, годами.

Луна, называемая по просту *мѣсяцомъ*, самая ближайшая звѣзда къ Землѣ, и потому она кажется намъ такою большою. Но она очень не велика вравненіи съ другими небесными тѣлами (какъ называютъ иногда звѣзды). Луна совершаетъ круговое

движеніе вмѣстѣ съ Землею, и оттого называется *спутникомъ* ея.

Мы сказали, что солнце освѣщаетъ Землю; оно также освѣщаетъ и луну, потому что и Земля и луна сами по себѣ тѣла темныя, и на нихъ была-бы вѣчная ночь, если-бы солнце не освѣщало ихъ. Свѣтъ, который падаетъ иногда на Землю отъ луны, есть только отраженіе солнечнаго свѣта, и потому-то онъ не грѣетъ Земли и не имѣетъ почти никакого дѣйствія на нее. Кромѣ Земли и луны, солнце освѣщаетъ еще больше двадцати видимыхъ и невидимыхъ простыми глазами звѣздъ, которыя также обращаются вокругъ него. Всѣ прочія небесныя тѣла, или звѣзды, которыхъ видимъ мы безчисленное множество на небѣ, также вертятся вокругъ своихъ солнцевъ, отъ которыхъ и заимствуютъ свой свѣтъ.

Когда вообразишь себѣ такое удивительное устройство вселенной, то невольно скажешь съ благоговѣніемъ: Чудны дѣла твои, Господи, яко вся премудростію сотворилъ еси.

Земля наша такъ велика, что мы не замѣчаемъ

ся движенія, и намъ кажется, напротивъ, что она стоитъ неподвижно, а солнце движется. Отъ такого обмана чувствъ осталось выраженіе: солнце *восходитъ* и *заходитъ*. Это значитъ, что та сторона земнаго шара, на которой мы находимся, повернулась на столько къ солнцу, что оно становится видно намъ, или, къ вечеру, на столько повернулась отъ него, что оно скрывается отъ насъ. Это и надобно разумѣть, когда говорятъ о восхожденіи и захожденіи солнца.

Весна, лѣто, осень, зима, называются *временами года*, и происходятъ отъ годоваго движенія земли вокругъ Солнца, то есть Земля находится въ разныя времена въ такомъ положеніи къ солнцу, что на ней бываетъ больше или меньше тепло. Та сторона, гдѣ солнце восходитъ весною, называется *востокъ*. Если оборотиться лицомъ къ *востоку*, то правая сторона будетъ *полдень* или *югъ*, лѣвая *сѣверъ*, а сзади *западъ*. Это называютъ: *страны свѣта*.

—

ЗЕМНОЙ ШАРЪ.

Теперь ты имѣешь понятіе о Земномъ Шарѣ (нашей землѣ). Поговоримъ о немъ самомъ.

Большая часть Земнаго Шара покрыта водою. Остальная часть покрыта *сушею* или *материкомъ*. Великое количество воды, окружающее материкъ, называется *океаномъ*; ближайшія къ материку части океана называются *морями*. Разныя части океана и разныя моря имѣютъ свои особыя названія.

Материкъ раздѣленъ на три главныя части, обтекаемыя со всѣхъ сторонъ океаномъ. Встарину не знали этого, потому что еще не побывали во всѣхъ мѣстахъ Земнаго Шара, и раздѣлили его на части произвольно. Это дѣленіе осталось и донынѣ, по привычкѣ, и послѣ только прибавили къ нему тѣ части суши, которыя открыли вновь. Когда полагали, что на свѣтѣ только одинъ материкъ, то раздѣлили его на три части: *Европу*, *Азію*, *Африку*. Потомъ открыли, далеко, за океаномъ, еще одинъ материкъ, и назвали его *Америкой*. Наконецъ открыли

еще одинъ отдѣльный материкъ и назвали его *Австраліей*. Кромѣ материковъ, есть еще множество небольшихъ, отдѣльныхъ частей суши, омываемыхъ со всѣхъ сторонъ водою и называемыхъ *островами*.

Морская вода имѣетъ горькій и солоноватый вкусъ. Глубина океана во многихъ мѣстахъ такова что никакою длинною веревкою, съ привязанною къ ней тяжестью, не могли достать до дна его. При такой глубинѣ, при необъятности и безпрерывномъ движеніи своемъ, океанъ не замерзаетъ и отъ самыхъ сильныхъ морозовъ, хотя въ холодныхъ частяхъ Земнаго Шара покрывается онъ громадными льдинами. Но моря и заливы морскіе въ тѣхъ частяхъ замерзаютъ на всю зиму.

Въ океанѣ и моряхъ живетъ безчисленное множество разныхъ рыбъ и морскихъ животныхъ. Въ нихъ растетъ также множество травъ, мховъ и другихъ растеній. Вѣтеръ производитъ на моряхъ страшныя явленія, называемыя *бурями*, когда волны вздымаются, ревутъ, хлещутъ высокими валами; въ другое время, при малѣйшемъ вѣтеркѣ, вода по-

дымается опять огромными, но правильно - идущими одинъ за другимъ валами, изъ которыхъ девятый захлестываетъ первые восемь, и потомъ опять идутъ новые валы. Иногда море, при совершенной тишинѣ, бываетъ гладко какъ зеркало, а ночью оно сверкаетъ особеннаго рода блескомъ и кажется какъ будто въ огнѣ. Этотъ блескъ происходитъ отъ безчисленнаго множества малѣйшихъ животныхъ, свѣтящихся ночью въ морской водѣ. Вообще, море представляетъ величественное, изумительное зрѣлище, и въ немъ чудесъ не меньше чѣмъ на землѣ. Но человѣкъ не можетъ жить на немъ, и, переплывая черезъ бездонныя его пучины, изумляется при томъ могуществу и премудрости Создателя.

Настоящее мѣсто жительства человѣка — суша, материкъ, земля. Земля представляетъ такъ много любопытныхъ и удивительныхъ предметовъ, что самой долгой человѣческой жизни не достанетъ узнать и изучить ихъ.

Земля покрыта разнаго рода горами, рѣками, долинами, равнинами, лѣсами, и наполнена безчисленнымъ множествомъ всякихъ животныхъ, растенiй

и другихъ предметовъ. И какъ все это удивительно устроено! Какъ все соединено и помогаетъ одно другому! Напримѣръ, вездѣ текутъ ручьи и рѣчки; они вливаются въ большія рѣки, а тѣ втекаютъ въ моря. Растенія и деревья служатъ вообще на пользу человѣка и животныхъ, и каждому животному готовы пища, убѣжище и даже всѣ удовольствія. Человѣкъ господствуетъ надъ всѣмъ, и при помощи своего ума онъ построилъ города, сдѣлалъ удивительныя открытія, изобрѣтенія, и безпрестанно стремится къ тому, чтобы еще быть умнѣе, ученѣе, добрѣе. Такъ премудро устроилъ все это Богъ.

Мы уже знаемъ, что Земля (Земной Шаръ) очень велика. Можно было бы даже сказать тебѣ, сколько верстъ надобно проѣхать, чтобы объѣхать ее кругомъ, и даже какъ велико все пространство ея; но ты еще не привыкъ понимать большія числа, называемыя милліонами, билліонами, и по-пусту было бы говорить о томъ, чего ты не можешь представить себѣ. А вотъ ты поймешь, когда я скажу, что по морю, на корабляхъ, которые плаваютъ очень скоро, едва можно въ годъ обойдти землю, не мно-

го употребляя при томъ времени на необходимые роздыхи. Посуди же какъ велика вся Земля, когда по одной чертѣ ея надобно идти довольно скоро цѣлый годъ! Изъѣздить-же по ней во всѣхъ направленіяхъ никакъ невозможно, и досихъ поръ люди еще не могли побывать во всѣхъ уголкахъ ея.

На такомъ великомъ пространствѣ, какое представляетъ Земля, она не вездѣ одинакова. Посрединѣ Земнаго Шара идетъ одна черта или полоса, называемая *экваторомъ*, гдѣ очень жарко; а чѣмъ дальше отъ нея къ сѣверу или къ югу, тѣмъ холоднѣе, такъ что въ самыхъ дальнихъ сторонахъ тамошнихъ почти небываетъ лѣта, а еще дальше ужь одни непроходимые льды. Это различіе земнаго тепла и холода, съ разными относящимися къ тому подробностями, называютъ *климатомъ*. Климатъ не то что зима и лѣто, весна и осень, которыя, какъ мы видѣли, происходятъ отъ разныхъ положеній, въ какихъ бываетъ Земля относительно къ Солнцу. Четыре времени года бываютъ вездѣ, но различны въ разныхъ климатахъ. Напримѣръ, въ Петербургѣ и около него бываютъ холодныя и продолжительныя

зимы; снѣгъ и ледъ надолго покрываютъ землю. А есть мѣста, гдѣ не видано снѣгу, и въ зимніе мѣсяцы, вмѣсто него, идутъ дожди; холоду также не бываетъ тамъ. Въ иныхъ мѣстахъ не много теплѣе или холоднѣе чѣмъ въ Петербургѣ, а далеко отъ него на сѣверъ, за сѣвернымъ моремъ, есть всегдашніе льды, которые отъ того и не растаяваютъ, что тамъ всегда холодно.

Такое различіе въ климатахъ производитъ разницу во всѣхъ земныхъ произведеніяхъ и въ животныхъ. Только человѣкъ, не защищенный самъ по себѣ ни мохнатою кожею, ни безчувственностью, какъ нѣкоторыя животныя, но одаренный умомъ, умѣетъ жить почти во всѣхъ климатахъ, подъ защитою изобрѣтенныхъ имъ жилищъ и одеждъ. Животныя и растенія, напротивъ, сообразуются съ климатомъ, и оттого не много животныхъ, а нѣкоторыя только, при пособіи человѣка, живутъ въ холодныхъ странахъ; гораздо больше ихъ въ умѣренныхъ, и еще больше въ жаркихъ климатахъ, гдѣ находятъ они и пищу и тепло, какія имъ необходимы для жизни.

Растенія, и даже каменья, также бываютъ сообразны съ климатомъ.

Для удобнѣйшаго изученія *природы*, то есть всего производимаго Земнымъ Шаромъ, свѣдущіе люди раздѣляютъ произведенія, собственно земныя, на три главные отдѣла, называемые *царствами природы*. Первый отдѣлъ: *царство животное*; второй: *царство растительное*; третій: *царство ископаемое*. Поговоримъ о каждомъ изъ нихъ особо.

—

ЦАРСТВО ЖИВОТНОЕ.

Животными называются такія существа, которыя не только живутъ и чувствуютъ, но еще и одарены способностью двигаться, то есть перемѣнять мѣсто по произволу. Возьмемъ въ примѣръ самыхъ различныхъ животныхъ: лошадь, ворону, щуку, червяка — всѣ они живутъ, чувствуютъ, двигаются. Они однакожъ такъ не похожи одно на другое, что называя ихъ вообще животными, необходимо различать въ нихъ еще нѣсколько отдѣловъ. Почти всѣ четве-

рогогія, покрытыя твердою кожею съ шерстью, сосутъ молоко у своихъ матерей, и потому называются *млекопитающими*. Отъ нихъ совершенно различны *птицы*, которыя раждаются изъ яйца, и потому называютъ ихъ также *яйцеродными*. Но къ яйцероднымъ принадлежатъ и нѣкоторыя изъ другихъ животныхъ, раждающіяся также изъ яйца, напримѣръ *земноводныя*, которыя живутъ на землѣ и въ водѣ. *Рыбы* живутъ всѣ въ водѣ и издыхаютъ на воздухѣ. *Пресмыкающіяся* или *гады* только ползаютъ по землѣ (пресмыкаются). *Насѣкомыя*, маленькія животныя, перемѣняющія нѣсколько разъ свой видъ, названы такъ по сходству членовъ (частей) ихъ съ насѣчками. Есть еще безчисленное множество животныхъ, невидимыхъ просто глазами. О нихъ упомянемъ мы особо.

Увидѣть и даже узнать всѣхъ животныхъ нѣтъ никакой возможности: ихъ такъ много, что до сихъ поръ еще не могли сосчитать ихъ, и безпрестанно открываютъ новые виды животныхъ. Всякой изъ насъ знаетъ *домашнихъ животныхъ*: они приносятъ намъ много пользы, какъ - то лошади служатъ

для переѣздовъ, перевозки и разныхъ работъ; коровы даютъ молоко, овцы шерсть, свиньи щетину, птицы яйца, а мясо большей части домашнихъ животныхъ служитъ лучшею пищею человѣку. Эти животныя не могли бы жить при человѣкѣ во всѣхъ климатахъ, если бы онъ не укрывалъ ихъ отъ непогоды и не заготовлялъ имъ на зиму корма. Но какъ всѣхъ полезныхъ животныхъ человѣкъ кормитъ и бережетъ, такъ заботится онъ предохранять себя отъ вредныхъ животныхъ, изъ которыхъ самыя опасныя для него *дикіе звѣри*, какъ-то волкъ, медвѣдь, тигръ, левъ и множество другихъ. Они чрезвычайно сильны, кровожадны и готовы растерзать человѣка при малѣйшей его оплошности. Всѣ наши домашнія животныя были сначала дики и могли наносить разный вредъ человѣку; но они не имѣютъ врожденнаго влеченія умертвить его, чтобы послѣ съѣсть, потому что питаются не животными, а растеніями, отъ чего легко привыкаютъ къ человѣку, даже помнятъ его ласки, его заботливость о нихъ, и по своему любятъ его. Но животное, питающееся мясомъ, всегда опасно, и потому-то даже собакъ держатъ

на привязи, и въ городахъ запрещено выпускать ихъ на улицу. Только самыя маленькія и безсильныя *плотоядныя* (то есть питающіяся мясомъ) животныя не опасны человѣку.

Многія животныя достойны удивленія въ разныхъ отношеніяхъ. Напримѣръ, *слонъ*, величайшее изъ всѣхъ четвероногихъ, показался бы тебѣ съ порядочную избу! Ноги его толсты какъ бревна, и подъ мордою у него есть длинная кишка, называемая *хоботомъ*, которою онъ кладетъ себѣ пищу въ ротъ и пьетъ. При такой неуклюжей наружности, слонъ отличается смѣтливостью, осторожностью и кротостью, хотя онъ едва-ли не сильнѣе всѣхъ другихъ животныхъ. Чрезвычайно силенъ, храбръ и пылокъ *левъ*, страшный и свирѣпый, хотя не очень огромный; но онъ иногда оказываетъ и то чувство, которое у людей называется великодушіемъ: щадитъ дѣтей и безпомощныхъ, помнитъ оказанное ему добро, и когда сытъ, то не всегда нападаетъ на человѣка. Напротивъ, *тигръ*, родъ большой кошки, такъ же силенъ и свирѣпъ какъ левъ, но гораздо

кровожаднѣе его и терзаетъ животныхъ съ самымъ страшнымъ остервенѣніемъ.

Изъ *травоядныхъ* и потому кроткихъ животныхъ къ которымъ принадлежитъ и слонъ), замѣчателенъ *бобръ*, прозванный домостроителемъ, потому что онъ, съ помощью зубовъ и лапъ своихъ, умѣетъ строить себѣ жилище, въ самомъ дѣлѣ похожее на домъ, и и располагаетъ въ немъ все съ удивительною предусмотрительностью. *Обезьяна* замѣчательна сходствомъ своимъ съ человѣкомъ и умѣетъ подражать ему; но въ тоже время она безсмысленна и даже глупѣе многихъ животныхъ. *Олень* отличается красотою своего вида, своими длинными, вѣтвистыми рогами и способностью бѣгать чрезвычайно скоро. Нѣкоторыя породы оленей живутъ въ самыхъ холодныхъ странахъ, питаются почти однимъ мохомъ, и привыкнувъ къ человѣку приносятъ ему много пользы.

Изъ числа птицъ многія также отличаются удивительными свойствами. Нѣкоторыя, особливо въ жаркихъ климатахъ, чрезвычайно красивы и покрыты перьями самыхъ яркихъ, разнообразныхъ цвѣ-

товъ; другія поютъ такъ хорошо, что можно заслушаться ихъ; напримѣръ, какъ сладостно поетъ *соловей*!...Есть птицы, страшныя своею огромностью и силою: нѣкоторыя породы *орловъ* уносятъ въ когтяхъ дѣтей, ягнятъ и другихъ довольно большихъ животныхъ. Иныя птицы, напротивъ, такъ малы, что одну породу ихъ называютъ *мухою-птицею*: она и точно немного больше мухи.

Въ морѣ и въ рѣкахъ есть чудныя рыбы: иныя точно какъ золотыя, серебряныя, красавицы; другія отличаются огромностью или страннымъ видомъ. *Сельди* и еще разныя рыбы, въ опредѣленное время года, переходятъ далекія пространства, безчисленными стадами, изъ одного моря въ другое. Рыбы рождаются изъ икры. Можно причислить къ рыбамъ и *кита*, хотя онъ по свойствамъ своимъ млекопитающее животное; но онъ живетъ въ морѣ, имѣетъ плавательныя перья, и видомъ похожъ на рыбу. Особенно замѣчателенъ онъ своею огромностью: изъ головы его, которая составляетъ большую часть его тѣла, добываютъ нѣсколько бочекъ жиру; весь онъ очень великъ и страшенъ своею силою.

Земноводныя животныя бываютъ различны видамъ: черепахи, лягушки, ящерицы о четырехъ ногахъ или лучше сказать лапахъ; змѣи земноводныя безъ ногъ; нѣкоторыя покрыты костяною чешуею, другія слизкою кожею. Эти животныя питаются травою, тиною и насѣкомыми. Крокодилъ, величайшее изъ земноводныхъ, умерщвляетъ человѣка и большихъ животныхъ. Замѣчено, что земноводныя живутъ очень долго — нѣкоторыя больше ста лѣтъ. Они способны также долго оставаться безъ пищи и безъ воздуха, при чемъ только приходятъ въ оцѣпенѣніе; но отогрѣйте ихъ, и они оживутъ. Почти всѣ эти животныя безполезны для человѣка, кромѣ черепахи, которой мясо очень вкусно.

Пресмыкающіяся или гады большею частію водятся въ жаркихъ климатахъ, и тамъ ихъ чрезвычайно много. Они ползаютъ, или *пресмыкаются*, сжимая и раздвигая свои мускулы, потому что немногія изъ нихъ имѣютъ ноги, да и тѣ у нихъ не способны къ ходьбѣ. Они называются вообще *змѣями*, хотя чрезвычайно различны. Нѣкоторыя змѣи умерщвляютъ животныхъ ядовитыхъ ужаленіемъ

своимъ, другія проглатываютъ ихъ. Есть змѣи очень огромныя и сильныя, такъ что обвившись вкругъ быка или даже самаго свирѣпаго звѣря, они задушаютъ, раздавливаютъ его, и потомъ пожираютъ.

Насѣкомыя составляютъ классъ животныхъ едва ли не самый многочисленный и очень любопытный. Кромѣ того, что лѣтомъ они наполняютъ всѣ поля, лѣса и даже воду и воздухъ, почти на каждомъ разстеніи бываетъ ихъ нѣсколько. На всѣхъ животныхъ и даже на самихъ насѣкомыхъ живутъ также насѣкомыя. Большею частію они водятся отдѣльно, но нѣкоторыя живутъ и обществами, какъ напримѣръ пчелы, муравьи, у которыхъ надобно удивляться строгой точности и порядку во всѣхъ занятіяхъ. Особенно удивительны въ насѣкомыхъ различныя *превращенія* ихъ. Они почти всѣ выводятся изъ яичекъ, которыя матери ихъ кладутъ всегда въ такихъ мѣстахъ, гдѣ будущее животное тотчасъ найдетъ себѣ пищу. Иныя кладутъ свои яички въ тѣло живыхъ насѣкомыхъ и другихъ животныхъ. Изъ яичка выходитъ червячекъ; червячекъ сбрасываетъ съ себя верхнюю кожу или оболочку,

завертывается въ куколку, остается нѣсколько времени въ неподвижномъ положенiи, и потомъ является въ видѣ какой нибудь мухи, бабочки, козявки, жука. Насѣкомыя крылатыя испытываютъ больше превращенiй; безкрылыя меньше. Вообще, чрезвычайно любопытно наблюдать насѣкомыхъ.

Мы упомянули о животныхъ *невидимыхъ*, то есть такихъ крошечныхъ, что глаза наши не могутъ видѣть ихъ, и только при помощи сильныхъ увеличительныхъ стеколъ, приложенныхъ къ особому инструменту, называемому *микроскопомъ*, можно разглядѣть ихъ очень хорошо. Они водятся вездѣ: въ травѣ, въ листьяхъ, во всякой сырости, плѣсени, жидкости, въ каплѣ воды, въ человѣкѣ, во всѣхъ животныхъ, и всѣ животныя, да и самъ человѣкъ, глотаютъ ихъ тысячи въ пищѣ и питьѣ, ни сколько не подозрѣвая того! А между тѣмъ эти крошечныя животныя, какъ и другiя, имѣютъ всѣ нужныя имъ части тѣла, живутъ, и вообще устроены съ такимъ же совершенствомъ какъ другiя. Правда, что мы не видимъ этого простыми глазами, но тѣмъ удиви-

тельнѣе премудрость и всемогущество Создателя, который и такихъ малѣйшихъ животныхъ одарилъ способами существовать и исполнять данное имъ назначеніе!... Эти невидимыя для глазъ, крошечныя животныя называются *инфузоріями*.

ЦАРСТВО РАСТИТЕЛЬНОЕ.

Мы сказали о животныхъ, что они живутъ, чувствуютъ и двигаются по произволу. Растенія отличаются отъ нихъ всего больше тѣмъ, что они лишены способности двигаться или перемѣнять мѣсто по произволу: гдѣ они растутъ, тамъ, сами по себѣ, и остаются навсегда. Только человѣкъ переноситъ и пересаживаетъ ихъ. Но они живутъ, и *чувствуютъ*. Какъ-же чувствуютъ растенія? спросишь ты. Разумѣется, не какъ человѣкъ. Въ человѣкѣ есть разныя роды чувствованій. Напримѣръ, въ немъ чувствуетъ и тѣло, и умъ, и душа. Въ растеніяхъ чувствуетъ только тѣло. Когда ты ушибешь

или порѣжешь себѣ тѣло, то чувствуешь это; или когда долго не ѣлъ, то чувствуешь голодъ, а поѣвши чувствуешь особаго рода довольство. Вотъ такого рода чувствованіе или чувствительность есть и въ растеніяхъ. Надрѣжь дерево: изъ него потечетъ сокъ, смола; сорви цвѣтокъ или травку — они завянутъ. Есть даже такія растенія, что отъ одного прикосновенія къ нимъ они сжимаются, и всѣ вообще они растутъ быстрѣе и лучше отъ хорошаго ухода за ними, и гибнутъ отъ разныхъ неблагопріятныхъ для нихъ случаевъ: отъ засухи, отъ разрѣза, отъ ушиба, отъ дѣйствія на нихъ другихъ тѣлъ. Этого нельзя сказать о каменьяхъ: тѣ только живутъ, не имѣя ни какой чувствительности.

Растенія представляютъ удивительное разнообразіе, и потому раздѣляются на нѣсколько отдѣловъ. Напримѣръ: деревья, кустарники, травы, грибы, мхи — все это растенія; а они очень различны между собою. Кромѣ грибовъ, мховъ и еще нѣкоторыхъ растеній, почти всѣ другія раждаются изъ сѣмячка или зерна. Всякой изъ насъ видалъ, какъ сѣмячко, посаженное въ землю, произращаетъ сначала листикъ

или былинку, и изъ этого уже образуется растеніе, точно такое, съ какого было сѣмячко. Многія растенія вырастаютъ въ одно лѣто и съ наступленіемъ зимы умираютъ; другія живутъ многіе годы и даже сотни лѣтъ. Отъ того одни называются *однолѣтними*, другія *многолѣтними*. Самыя огромныя и крѣпкія деревья—*кедръ*, *дубъ*, и нѣкоторыя другія, разрастаются въ продолженіе множества лѣтъ, до чрезвычайной вышины и толщины, и остаются потомъ на нѣсколько сотъ годовъ. Вообще *лѣса* составляются изъ множества растущихъ вмѣстѣ деревьевъ. Есть лѣса, которые занимаютъ сотни верстъ пространства. Нарочно насаженное, и просто небольшое количество деревьевъ, называется *рощею*. Кустарники и травы растутъ и въ лѣсахъ, но больше на лугахъ, въ долинахъ, на равнинахъ, на горахъ. Мхи и грибы являются около и вблизи деревьевъ.

Не меньше чѣмъ на землѣ есть растеній и въ водѣ, то есть въ моряхъ и рѣкахъ; но намъ нужнѣе знать тѣ, которыя растутъ на землѣ, потому что отъ нихъ получаемъ мы разнообразную пользу.

Большую часть пищи человѣка составляютъ растенія, какъ-то хлѣбъ разнаго рода, пшено, картофель, коренья и разныя травы. Для услажденія вкуса нашего, растенія даютъ намъ плоды, ягоды, чай, кофе, сахаръ, и множество душистыхъ и сладкихъ произведеній своихъ. Изъ растеній извлекаются вина, разные соки и лекарства. Изъ деревьевъ человѣкъ устроиваетъ себѣ домы и разныя домашнія принадлежности, строитъ корабли, машины, орудія, и наконецъ, при помощи дерева въ видѣ дровъ, согрѣваетъ себя и готовитъ себѣ пищу. Безъ растеній человѣкъ не могъ бы существовать.

Кромѣ необходимыхъ для жизни потребностей, растенія доставляютъ ему множество разныхъ наслажденій, лѣтомъ и даже зимою. Что̀ можетъ быть пріятнѣе прогулки, въ хорошій день, посреди лѣсовъ, рощей и полей? Что можно придумать прекраснѣе хорошаго сада, который человѣкъ устроиваетъ себѣ подлѣ самаго своего жилища? А цвѣты и благоухающія растенія? Развѣ можно сравнить съ ними что нибудь искусственное, то есть что приготовляетъ самъ человѣкъ? Наслажденіе быть въ лѣсу, въ саду,

посреди полей, еще пріятнѣе, когда знаемъ какія тамъ растенія, какъ они зарождаются, растутъ, цвѣтутъ, даютъ плодъ, и для чего они полезны. Въ нашихъ сѣверныхъ странахъ нѣтъ такихъ пышныхъ и красивыхъ растеній, какія есть въ теплыхъ и жаркихъ климатахъ, однако и у насъ есть что наблюдать; а сверхъ того, въ книгахъ можно найти описаніе всякой травки, дерева, цвѣтка, какіе только узнаны людьми. Была бы охота, а научиться можно всему.

Наблюдая растенія, прежде всего можно замѣтить, что листья на деревьяхъ, кустарникахъ и прочихъ растеніяхъ, такъ какъ и трава, зеленаго цвѣта. Подивись премудрости Создателя, который придалъ имъ такой прелестный и легкій для нашихъ глазъ цвѣтъ. Всякой другой былъ бы не такъ пріятенъ, или ослѣплялъ бы насъ. Листья многолѣтнихъ растеній въ холодныхъ и даже умѣренныхъ климатахъ, начинаютъ желтѣть и опадать съ наступленіемъ осени, и къ зимѣ остаются у нихъ только голые стволы и вѣтви. Изъ этого надобно исключить *хвойныя* или игольчатыя деревья, у которыхъ листья имѣютъ

видъ иголокъ и остаются зелены почти всю зиму. Таковы у насъ *сосна* и *ель*. Но и онѣ, вмѣстѣ съ другими деревьями и кустарниками, какъ бы цѣпенѣютъ или впадаютъ въ онѣмѣніе на зиму. Соки въ нихъ обращаются въ это время чрезвычайно медленно и только въ корняхъ. Растеніе какъ будто мертвѣетъ зимою. Но съ наступленіемъ весны все оживаетъ: на деревьяхъ и кустарникахъ сначала появляются почки, потомъ листья, новые отпрыски, цвѣты, и лѣтомъ начинается обыкновенная жизнь растеній. Травяныя растенія, или *ниворосли*, выходятъ изъ земли, отъ корня или изъ сѣмячка, которые также бываютъ будто погружены въ сонъ зимою. Не удивительно ли все это? Только Богъ можетъ такимъ образомъ возраждать свои творенія; человѣкъ долженъ наблюдать это, поучаться, и благоговѣть.

Въ теплыхъ и жаркихъ климатахъ гораздо больше деревьевъ и всякихъ растеній нежели у насъ, и тамъ многія изъ нихъ отличаются огромностью своею, величиною листьевъ и отличными плодами. Многія растенія только тамъ и могутъ произрастать

на открытомъ воздухѣ. Напримѣръ *лимонныя*, *померанцевыя*, *лавровыя* и подобныя нѣжныя деревья (которыя у насъ сберегаются зимою въ теплицахъ), тамъ растутъ просто цѣлыми лѣсами или рощами. Прекраснѣйшій родъ деревьевъ, называемыхъ *пальмы*, растетъ только въ самыхъ жаркихъ климатахъ. *Кокосовая пальма*, на которой бываютъ плоды величиною съ дѣтскую голову, доставляетъ въ нихъ вкусную пищу и питье; *финиковая пальма* даетъ также очень пріятный плодъ. Подобныхъ деревьевъ есть множество, и наконецъ плоды *хлѣбнаго дерева*, имѣющіе видъ дыни, поджареные очень похожи вкусомъ на пшеничный хлѣбъ!.. Но такимъ изобиліемъ даровъ земныхъ надобно пользоваться благоразумно, потому что если люди, полагаясь на щедрость природы, уменьшатъ свою дѣятельность, то сдѣлаются лѣнивы и безпечны, какими и сдѣлались нѣкоторые южные народы. Напротивъ жители сѣверныхъ странъ, принуждаемые климатомъ больше работать и заботиться о сохраненіи себя, отличаются трудолюбіемъ и дѣятельностью.

Замѣтимъ наконецъ, что есть растенія вредныя

и ядовитыя. Таковы деревья *лавро-вишневое* и *горько-миндальное*: изъ листьевъ и плодовъ ихъ извлекается ядъ, жесточайшій для человѣка. Кто съѣстъ горькихъ миндалинъ горсть, тотъ отравитъ себя, то-есть можетъ умереть отъ этого яства. Многія травы и кустарники также вредны человѣку; напримѣръ *дурманъ*, *омегъ*, *бѣлена*, *волчьи ягоды*. Надобно съ большимъ разборомъ ѣсть *грибы*, изъ которыхъ многіе отравляютъ и умерщвляютъ человѣка. Но Богъ далъ намъ разсудокъ и умъ, для различенія вреднаго отъ полезнаго. Человѣкъ просвѣщенный такъ и дѣлаетъ: пользуется благами земными, и отвергаетъ отъ себя все вредное.

—

ЦАРСТВО ИСКОПАЕМОЕ.

Всѣ ископаемыя, иначе называемыя минералами, раздѣляются на слѣдующіе четыре класса.

1. Земли и камни. Между различными землями, по пользѣ своей, особенно замѣчательны: кремни-

стая земля, которая съ примѣсью поташа, перепла-вливается въ стекло. *Горный хрусталь*, *халцедонъ*, *трепелъ*, *пемза*, *кремень* или *ружейный камень*, *яшма*, *лазурикъ* превосходнаго голубаго цвѣта, *гранитъ* и многіе другіе принадлежатъ къ кремнямъ. Глинистая земля, къ которой принадлежитъ не только *обыкновенная глина* (*горшечная глина*), *фарфоровая глина*, *болюсъ* или *печатная земля*, *сукновальная глина*, легко вбирающая въ себя жиръ, квасцовая глина, глинистый шиферъ, аспидъ, но также и нѣкоторые благородные камни, на прим. *сапфиръ*, *рубинъ*, *смарагдъ* или *изумрудъ*, *топазъ* и многіе другіе, потому что составная часть ихъ есть глина и которые, непонятнымъ для насъ образомъ, сдѣлались чрезвычайно твердыми, прозрачными и блестящими. Особливо - замѣчательная порода камня есть *горшечный камень*, который въ такомъ мягкомъ видѣ получается изъ земли, что его можно вытачивать подобно дереву; изъ него дѣлаютъ подставки, горшки и ночники. Подобное-же свойство имѣетъ камень змѣевикъ. Известковая земля имѣетъ то свойство, что она отъ воды разгорячается (она

бываетъ такъ крѣпка, что при ударѣ объ нее сталью происходятъ искры). Многіе весьма красивые камни суть не иное что, какъ известковые камни, напримѣръ: *мраморъ*, *мѣлъ*, *рухлякъ*, *гипсъ* или *сырой алебастръ* — все это суть известковыя породы.

2. Горючіе минералы, при горѣніи издаютъ особенный, свойственный имъ запахъ; если-же они собственно не горятъ, то, по крайней мѣрѣ, тлѣютъ и могутъ служить къ поддержанію огня. Къ нимъ принадлежатъ, напримѣръ: *сѣра*, *янтарь*, *горное масло* или *нефть*, *горная* или *жидовская смола* (*асфальтъ*), *каменный уголь*, *грифель* или *черный карандашъ*, изъ котораго дѣлаются карандаши и плавительные горшки (тигли), и который идетъ на то же употребленіе какъ и сажа. Самый *алмазъ* (ограненный получаетъ названіе бриліанта), принадлежитъ къ горючимъ минераламъ, хотя онъ есть твердѣйшій камень между всѣми извѣстными землями, и никакая пила не вредитъ ему.

3. Металлы. Это самыя тяжелыя тѣла въ природѣ; они имѣютъ свой блескъ, который отъ того называется металлическимъ блескомъ; способ-

ны гнуться (особенно олово и свинецъ), ковки до того, что ихъ можно разбивать въ тончайшіе листки (особливо золото и серебро), и тягучи такъ, что изъ нихъ можно вытягивать проволоку. Всѣ металлы въ огнѣ плавятся, но желѣзо и платина приходятъ въ это состояніе только при самомъ сильномъ огнѣ. Металлы находятъ въ землѣ или *самородными* то есть чуждыми всякой примѣси, или *орудѣлыми*, то есть смѣшанными съ другими минералами, напримѣръ съ сѣрою или известью. До сихъ поръ извѣстнѣйшіе металлы суть слѣдующіе: золото, платина, серебро, ртуть, желѣзо, олово, свинецъ, цинкъ, висмутъ, сюрьма, кобольтъ, никкель, марганецъ, волчецъ, молибдена, мышьякъ, уранъ и титанъ, но существуютъ и многіе другіе.

Смѣшанный съ другими тѣлами металлъ или руду очищаютъ на заводахъ: сперва руду толкутъ, то есть молотками разбиваютъ ее на мелкія части, потомъ, съ помощію машинъ, превращаютъ въ порошокъ; сей порошокъ просѣваютъ, и такимъ образомъ получается чистая руда. Нѣкоторыя руды, прежде толченья или перемыванья, пожигаются. Это

производится слѣдующимъ образомъ: Кладутъ попеременно слой руды и слой дровъ или угля, и всю кучу поджигаютъ. Такимъ образомъ руду отдѣляютъ, дѣлаютъ ее рыхлою, годною къ плавкѣ и вмѣстѣ очищаютъ.

Желѣзо идетъ на самое разнообразное употребленіе: изъ него или выливаютъ плиты, пушки, ядра и проч. или огромными молотами куютъ изъ него жесть, или вытягиваютъ его въ проволоку. Изъ желѣзныхъ полосъ выдѣлываютъ ножи, ножницы, пилы, втулки, оси, серпы, косы, замки, пистолеты, ружья, тесаки, сабли и многое множество другихъ вещей, безпрестанно употребляемыхъ въ житейскомъ быту.

Изъ мѣди мѣдники дѣлаютъ котлы, горшки, противни, кастрюли, чайники и разную другую посуду. Чрезъ составленіе съ другими металлами, изъ мѣди получаютъ томпакъ и желтую мѣдь.

Обработкою олова и свинца занимаются оловянничники: тотъ и другой металлъ выковываютъ въ самые тонкіе листы, называемые *фольгою*, и употребляютъ на подводку зеркалъ.

Изъ свинца дѣлаютъ дробь, пули; листы его употребляются иногда для крышь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Золото и серебро употребляютъ преимущественно на монету, а золотыхъ дѣлъ мастера выдѣлываютъ изъ нихъ разныя вещи, служащія къ украшенію и роскоши; они же выковываютъ сіи металлы въ самые тонкіе листы для разнаго употребленія; изъ золота и серебра приготовляютъ также позументы.

Платина сдѣлалась въ Европѣ извѣстною не болѣе восьмидесяти лѣтъ: этотъ металлъ, тяжелѣйшій между всѣми естественными тѣлами, найденъ сперва въ Америкѣ, потомъ въ Испаніи, и наконецъ въ большомъ количествѣ въ Россіи. Цвѣтомъ, если онъ совершенно очищенъ, похожъ на серебро, удивительно ковокъ и весьма трудно плавится; ржавчинѣ никогда онъ не подверженъ и принимаетъ превосходную полировку; у насъ въ Россіи, кромѣ другаго употребленія, чеканили прежде изъ платины монету. Смѣшанная съ мѣдью и мышьякомъ платина, дастъ

прекрасныя зеркала для телескоповъ (зрительныхъ трубъ).

4. Соли. Подъ солью разумѣютъ вообще тѣло, которое весьма легко и совершенно распускается въ водѣ, и на языкѣ оставляетъ острый и жгучій вкусъ. Солямъ также свойственно образоваться въ кристаллы и смѣшиваться, болѣе нежели всякому другому минералу, съ посторонними веществами. Всѣ минералы и соли сложены изъ какой нибудь кислоты и щелочи (вещества, имѣющаго жгучій вкусъ и придающаго водѣ мыльное свойство). Примѣчательнѣйшіе суть: *поваренная соль*, добываемая изъ морской воды и изъ соляныхъ ключей; *каменную соль* находятъ въ землѣ огромными пластами; нашатырь встрѣчается особливо по близости огнедышащихъ горъ — образованный природою, или также добывается искусствомъ изъ коровьяго и верблюжьяго помета, и употребляется въ лекарство, для плавки золота, для полуды и для крашенія; *глауберова соль* находится въ природномъ состояніи, а также и искусствомъ приготовляется; *квасцы* (*въ Малороссіи галунъ*), *сладкокислая соль*, употребляемая преимущс-

ственно для приготовленія тканей къ принятію краски; *купоросъ*, соль, добываемая изъ металловъ, а именно изъ желѣза, мѣди и олова, весьма полезна въ лекарствахъ и въ крашеніи; *селитра*, главная составная часть пороха, добываемая больше искусствомъ нежели отъ природы получаемая, идетъ на весьма разнородное употребленіе.

—

ПРИМѢЧАТЕЛЬНЫЯ

ЕСТЕСТВЕННЫЯ ЯВЛЕНІЯ.

Воздухъ, со всѣхъ сторонъ окружающій землю нашу, вмѣстѣ съ носящимися въ немъ испареніями, называется *атмосферою*. Чѣмъ выше поднимаемся (напримѣръ, на высокія горы) въ этомъ воздухѣ, тѣмъ воздухъ встрѣчаемъ тоньше и тѣмъ меньше онъ давитъ. Оттого происходитъ, что горные жители вообще сильнѣе и веселѣе, нежели жители долинъ.

Всѣ пары и испаренія, безпрестанно поднимающіеся изъ земли и изъ всѣхъ вещей, собираются въ атмосферѣ, и, полагаютъ, что когда они соединятся, то производятъ дождь, снѣгъ, туманъ, вѣтеръ и другія перемѣны въ погодѣ. Если въ нѣкоторыхъ частяхъ атмосферы воздухъ вдругъ сильно расширяется, а, напротивъ того, въ другихъ частяхъ согрѣется, то происходитъ сильное волненіе между массами (толщами) воздуха, и сіе волненіе называется *вѣтромъ.* Сильный вѣтеръ называется бурею; сильнѣйшую же бурю называютъ *ураганомъ* или *орканомъ.* Ураганъ ломаетъ крѣпчайшія деревья, опрокидываетъ домы и башни, и опустошаетъ иногда цѣлые лѣса. Въ ураганѣ бываетъ то примѣчательно, что вѣтеръ идетъ не по прямой линіи, а кружится, что впрочемъ бываетъ и при такъ называемомъ *вихрѣ.*

Роса происходитъ отъ водяныхъ испареній, поднимающихся днемъ изъ земли, сгущающихся отъ ночнаго холода, и потомъ опадающихъ. И потому, если ночи очень теплы, то роса или мало падаетъ, или совсѣмъ не падаетъ. Замерзшая роса называется

инеемъ. Когда падаетъ куей, то деревья и растенія стоятъ какъ будто напудренныя. Когда деревья и другія тѣла очень холодны, то непрестанно опадающія на нихъ испаренія превращаются въ ледяныя частицы. При большой стужѣ замерзаютъ даже испаренія, выходящія у насъ изо рта, а волоса индевѣютъ или покрываются какъ бы инеемъ.

Туманъ также происходитъ изъ испареній уже сгустившихся, и которыя потому не суть болѣе испаренія. Какъ вода, изъ которой онъ состоитъ, раздѣлена на самыя мелкія частицы, то онъ носится въ воздухѣ. Когда эти мелкія частицы соединяются, то образуютъ очень мелкія капли, которыя тогда не могутъ держаться въ воздухѣ; въ такомъ случаѣ говорятъ: туманъ падаетъ. Когда-же солнце непосредственно освѣщаетъ туманъ, то эта носящаяся въ воздухѣ вода расширяется отъ теплоты, испаряется, а осѣвшая на поверхности земли масса тумана, поднимается; тогда говорятъ: туманъ поднимается. Туманъ, появляющійся въ свѣтлые лѣтніе вечера, происходитъ оттого, что воздухъ охладѣлъ. Незамерзшія рѣки, зимою, при сильной стужѣ, дымятся, потому

что верхніе слои, по причинѣ большой своей плотности и тяжести, опускаются на дно, и что теплѣйшая вода, съ низу пробивается на верхъ, которая хотя испаряется, но вдругъ опять превращается въ капли. Туманъ, носящійся въ высшихъ слояхъ атмосферы, именуется *облаками*. Облака образуются изъ поднимающагося тумана; различные ихъ цвѣта́ происходятъ отъ того, что лучами солнца разнообразно проникаются облака. Нѣкоторыя облака находятся отъ земли на разстояніи слишкомъ 20 верстъ.

Изъ мелкихъ капель тумана, въ верхнихъ слояхъ атмосферы, образуется *дождь*; дождь бываетъ или частый, или проливной, или идущій полосою, или обнимающій большое пространство земли. — Градъ есть замерзшій дождь.—*Снѣгъ* состоитъ не изъ чего другаго, какъ изъ самыхъ мѣлкихъ замерзшихъ водяныхъ частицъ, опадающихъ на землю въ видѣ шестиуго́льныхъ звѣздочекъ; когда ихъ сцѣпляется нѣсколько одна съ другою, тогда происходятъ снѣжные хлопья. Если бы вся вода, падающаа на землю въ продолженіе цѣлаго года, въ видѣ дождя, снѣга и града, оставалась на поверхности нашей зем-

ли не испаряясь, то она стояла бы въ высоту около двухъ аршинъ надъ всею плоскою землею. Иногда дождь имѣетъ красный цвѣтъ (такъ называемый кровавый дождь); причиною этого бываютъ извѣстныя породы бабочекъ, которыя издаютъ отъ себя красную пыль, выползая изъ своихъ куколокъ. Суевѣрные и невѣжи разсказываютъ про лягушечный дождь, что случается при слѣдующемъ обстоятельствѣ: если послѣ продолжительной засухи пойдетъ дождь, то лягушки, для утоленія жажды, выползаютъ изъ высохшихъ своихъ норъ, и прыгаютъ въ большомъ количествѣ по смоченной землѣ.—*Радуга* есть большой семицвѣтный полукругъ, видимый среди дождевыхъ капель въ такомъ случаѣ, когда противу солнца стоитъ темное облако, и мы находимся между солнцемъ и облакомъ; солнечные лучи преломляются различнымъ образомъ въ падающихъ каплямъ воды. Верхній цвѣтъ радуги есть красный, а нижній фіолетовый.

Въ природѣ есть сила, о свойствѣ которой намъ только то извѣстно, что она одному тѣлу сообщаетъ силу—то притягивать, то отталкивать другія тѣла,

при чемъ всегда почти показываются искры или огонь, сопровождаемый меньшимъ или большимъ шумомъ, и тѣло, на которое падаетъ сія искра, приходитъ въ сотрясеніе. Это естественное явленіе называется *электричествомъ*. Потрите, напримѣръ чистую и сухую стекляную трубку шерстяной тряпкою, и держите ее надъ маленькими кусочками бумаги; тогда они нѣсколько разъ будутъ то отталкиваться, то притягиваться; если-же къ этой трубкѣ вы приблизите палецъ, то въ темнотѣ, увидите искру, услышите трескъ и почувствуете какъ будто вы были уколоты въ палецъ. Если же вы долго и сильно будете тереть трубку и потомъ держать ее у лица, то будете имѣть то же ощущеніе, какъ если бы лицо у васъ было обтянуто паутиной. То же самое замѣчаютъ, когда натираютъ янтарь, сѣру, фарфоръ или сургучъ. Изобрѣтены особенныя машины, называемыя *электрическими машинами*, посредствомъ которыхъ легко получается электричество. Если стекляный кругъ, обращающійся между такъ называемыхъ двухъ подушекъ, приводитъ въ движеніе, то жестяная пробка, находящаяся съ нимъ въ сообще-

нія, привлекаетъ въ себя электричество, возбужденное въ стеклѣ треніемъ; трубка эта съ передняго конца снабжена металлическимъ шарикомъ; электрическую искру изъ этой трубки можно получить поднеся къ ней другой металлическій шарикъ на проволокѣ, укрѣпленный на стекляной рукояткѣ. Эту искру до того можно усилить, что она мгновенно плавитъ металлы и убиваетъ животныхъ. Сія-то электрическая сила находится въ облакахъ, называемыхъ *грозовыми*, и, если она появляется въ видѣ зубчатаго огненнаго луча или стрѣлы, то мы говоримъ: молнія сверкаетъ. Стукъ, слѣдующій обыкновенно за блескомъ или огненною стрѣлою, называемъ мы *громовымъ ударомъ*. Если электрическій огонь, который мы называемъ *молніею* падаетъ на какое нибудь тѣло, напримѣръ на дерево или на домъ, то разрушаетъ его, сожигаетъ или разбиваетъ. Если молнія ударяетъ въ человѣка, то оглушаетъ его, или увѣчитъ, или убиваетъ. Впрочемъ, это рѣдко случается, и польза, приносимая грозою, гораздо значительнѣе вреда, причиняемаго ею. Гроза прохлаждаетъ воздухъ, и очищаетъ его отъ вредныхъ испареній.

Дождь, сопровождающій обыкновенно грозу, дѣлаетъ землю плодоносною, и весьма замѣтно способствуетъ произрастанію растеній. Для предохраненія зданій отъ вредныхъ дѣйствій грозы, устроиваютъ *громовые отводы*; это суть обыкновенно желѣзные шесты, оканчивающіеся съ верху остріями; чтобы предохранить ихъ отъ ржавчины, одѣваютъ остріе оловомъ, или лакомъ, или позолачиваютъ. Широкіе, плотно одинъ къ другому прикрѣпленные мѣдные листы, могутъ оказывать такую же услугу. Громовой отводъ проводится отъ земли до самой верхушки крыши и плотно прикрѣпляется къ дому; необходимо, чтобы проволока отъ него достигала до сырой земли: электрическая сила сходитъ по такому громоотводу въ землю, не повреждая дома. Молнія не падаетъ на домъ, окруженный высокими зеленѣющими деревьями, потому что деревья притягиваютъ ее къ себѣ. Посему самому никогда, во время грозы, не должно прятаться подъ деревья.

Вы часто уже слыхали о *блудящихъ огняхъ*. Это есть маленькій огонекъ или свѣтъ, видимый обыкновенно на мѣстахъ болотныхъ, и который какъ буд-

то перескакиваетъ съ мѣста на мѣсто. Онъ происходитъ изъ горючихъ испареній, воспламеняющихся и свѣтящихъ до тѣхъ поръ, пока они горятъ. Сіи свѣтящіяся испаренія названы блудящими огнями по той причинѣ, что они иногда сбивали съ дороги путешественниковъ, которые ихъ принимали за свѣтъ въ фонарѣ или въ окошкѣ, и большею частію заводили въ болота. Сюда же можно отнести и такъ называемыя *падающія звѣзды* и *огненные шары*. Если сіи свѣтящіяся тѣла падаютъ въ низъ изъ верхняго слоя атмосферы, то кажется, какъ будто бы звѣзда падала съ неба. Они горятъ и летятъ съ чрезвычайною скоростью, и оставляютъ иногда за собою красноватую полосу въ воздухѣ, которая мало по малу исчезаетъ. Иногда при этомъ слышенъ бываетъ свистъ, съ которымъ они движутся; часто они разсыпаются съ трескомъ. Свѣтъ ихъ ослѣпителенъ.

На сѣверной сторонѣ неба видѣнъ бываетъ иногда свѣтъ полукругомъ, изъ котораго выходятъ въ то же время лучи или столбы, которые мало по малу распространяются на большую часть неба. Тогда небо кажется краснымъ и огненнымъ, и полу-

часть необыкновенно красивый видъ. Это естественное явленіе называютъ *сѣвернымъ сіяніемъ*; полагаютъ, что оно подобно *зарницѣ*, есть дѣйствіе электричества. Безразсудно бояться подобныхъ явленій, потому что сѣверное сіяніе никогда не производитъ никакого вреда, и не предзнаменуетъ ничего дурнаго.

—

О воздухѣ.

Здоровье весьма зависитъ оттого, чтобы вдыхаемый нами воздухъ былъ свѣжъ, чистъ и сухъ, ибо, въ противномъ случаѣ, онъ не можетъ насъ оживлять и укрѣплять, освѣжать и дѣлать веселыми. Чистый и сухой воздухъ даже располагаетъ къ работѣ, усиливаетъ голодъ, дѣлаетъ, что пища идетъ въ прокъ и даетъ спокойный сонъ. Не правда ли, что ты тоскуешь и тревожишься, когда принужденъ бываешь долго находиться въ маленькой комнатѣ со многими людьми, и когда не открыты въ ней ни

окна, ни двери? — Худой, испорченный и нечистый воздухъ ослабляетъ человѣка, дѣлаетъ его лѣнивымъ, и если онъ долго въ немъ живетъ, производитъ разнаго рода болѣзни, особливо лихорадки.

По-этому свѣжій и чистый воздухъ, для здоровья человѣка, столь же необходимъ, какъ пища и питіе, или какъ рыбѣ свѣжая вода. Не замѣчали-ль вы, что растенія, на лучшей почвѣ, и животныя при лучшемъ кормѣ, безъ свѣжаго воздуха, хилѣютъ? Какъ могъ бы человѣкъ безъ свѣжаго воздуха жить, быть здоровымъ и веселымъ? Какъ вы радуетесь, когда, просидѣвши долго въ комнатѣ, вдругъ выходите на чистый воздухъ! Не правда-ли, что вамъ тогда вдвое пріятнѣе на воздухѣ, нежели въ душной комнатѣ?

Если въ маленькой комнатѣ находится много людей вмѣстѣ, а особливо, если они вмѣстѣ спятъ, то воздухъ портится. Что же тогда надобно дѣлать? По утру, въ полдень и вечеромъ надобно отворять на нѣсколько времени двери и окна и впускать свѣжій воздухъ. Но всѣ ли это дѣлаютъ? Зимою или осенью глупые люди говорятъ: жаль понапрасну выпускать

тепло въ форточку, а лѣтомъ не отворяютъ оконъ за тѣмъ, что пыльно, или подъ другимъ предлогомъ. Но не лучше-ли немножко озябнуть и быть здоровымъ, нежели сидѣть въ теплѣ и быть нездоровымъ, слабымъ и не въ духѣ? Посмотрите, какъ бываетъ слабо растеніе, до котораго не доходитъ свѣжій воздухъ — такъ и съ человѣкомъ.

Еще хуже, когда въ комнатѣ, сверхъ испареній отъ людей, воздухъ портится отъ ночниковъ, отъ копоти сальныхъ свѣчь или отъ нагара, отъ глаженья бѣлья, отъ трепанія шерсти, отъ горящей лучины или отъ неперегорѣвшихъ углей. Воздухъ можно очищать въ комнатахъ, поливая уксусомъ раскаленный кирпичь или желѣзо, а въ нежилыхъ переходахъ и сѣняхъ, и особенно въ отхожихъ мѣстахъ, хорошо ставить черепки съ хлористой известью, получаемою въ аптекахъ, которая, не вредя здоровью, постоянно очищаетъ воздухъ.

Кто спитъ въ комнатѣ, въ которой развѣшено бѣлье для сушки, тотъ подвергается величайшей опасности — умереть скоропостижно отъ удара или

паралича, или, по крайней мѣрѣ, получить нестерпимую головную боль и сильное круженіе головы.

Столь-же вредны испаренія сильно пахнущихъ цвѣтовъ или недавно выштукатуренныхъ и выкрашенныхъ стѣнъ.

Нечистота есть причина многихъ болѣзней, особенно-же прилипчивыхъ и дурныхъ сыпей. Кто желаетъ предохранить себя отъ нихъ, тотъ долженъ прилежно мыть не только лицо, руки и ноги, но и все тѣло, и это каждую недѣлю хотя одинъ разъ. И потому весьма хорошо, что въ каждомъ городѣ, или деревнѣ, есть бани; желательно только чтобы частое обмываніе себя вошло во всеобщее обыкновенніе; только при семъ условіи кожа бываетъ чистою и способною отдѣлять испаренія.

Если-же кто хочетъ съ пользою мыться въ баняхъ или въ рѣкѣ, тотъ долженъ тщательно наблюдать слѣдующія правила:

1. Ходить въ баню когда бываетъ меньше людей, и не оставаться долго въ самой банѣ, особенно на полку; не стоять противъ печки, въ которую прибавляютъ или поддаютъ паръ.

2. Для купанья избирать такія мѣста, на которыхъ нѣтъ никакой опасности.

3. Должно быть совсѣмъ здоровымъ.

4. Не должно предъ тѣмъ разгорячаться, или много ѣсть.

5. Въ воду должно опускаться не медленно, но вдругъ погружаться намочивъ прежде голову водою.

6. Въ водѣ не должно спокойно сидѣть, но быть въ сильномъ движеніи или плавать.

Не только тѣло и платье должно держать въ чистотѣ, но равно и домашнюю мебель; постели, комнаты, избы постоянно должно держать въ опрятности и въ порядкѣ. Для этого домашнія вещи должно старательно вычищать и вытирать, постели отъ времени до времени выносить на солнце или вывѣшивать на свѣжій воздухъ и выколачивать, комнаты-же или избы часто мыть, чистить и убирать. Должно остерегаться спать въ вымытой комнатѣ, которая еще не совсѣмъ высохла.

—

О пищѣ.

Замѣтьте, что растительная пища не столь питательна и крѣпительна, какъ мясная, и что мясная пища питательнѣе нежели рыбная. И потому обѣды наши должны бы состоять изъ меньшей части мяса и изъ большей части огородныхъ овощей. При употребленіи одной мясной пищи кровь приходитъ въ гніеніе; а кто захотѣлъ бы питаться одними огородными овощами, тотъ не довольно имѣлъ бы силы и крѣпости.

Если хочешь, чтобы пища всегда казалась тебѣ вкусною, старайся быть голоднымъ, ибо голодъ есть наилучшій поваръ, и когда ты очень голоденъ, самое простое кушанье покажется тебѣ очень вкуснымъ. Но если ты бродишь безъ дѣла, или не за долго предъ столомъ ѣшь разныя лакомства, то не можешь быть голоденъ.

Помни, что́ пословица говоритъ: — *всякій излишекъ вреденъ*; не думай, что чѣмъ болѣе ты ѣшь, тѣмъ болѣе получаешь питанія; напротивъ, если

желудокъ не можетъ переварить съѣденнаго, тогда оно тебѣ очень вредно.

Зрѣлый и незрѣлый картофель здоровъ, если онъ хорошей породы и если его ѣсть въ мѣру; но подмерзлый есть настоящій ядъ для человѣческаго тѣла, ибо производитъ поносъ и другія болѣзни.

Острыя, соленыя и пряныя кушанья разгорячаютъ кровь и нездоровы. Разныя сласти разслабляютъ желудокъ, производятъ вѣтры и отнимаютъ позывъ на ѣду. Берегитесь ѣсть кушанья пока они горячи: вы не только испортите зубы, но и разслабите желудокъ.

—

О питьѣ.

Самое здоровое питье для человѣка есть чистая, свѣжая вода: она прохлаждаетъ, разжижаетъ и чиститъ кровь, поддерживаетъ въ порядкѣ желудокъ, внутренности, мозгъ и нервы, и дѣлаетъ человѣка спокойнымъ, веселымъ и бодрымъ. Вода ни мало не

ослабляетъ человѣка какъ обыкновенно думаютъ; напротивъ того, придаетъ ему бодрость, если притотъ дѣлаютъ большое движеніе на свѣжемъ воздухѣ.

Люди обыкновенно пьютъ много чаю, кофе и т. п.; посему невозможно, чтобы кровь ихъ не была остра и нечиста, и чтобы они не имѣли блѣднаго вида. Особенно же вредно женщинамъ, которыя вообще болѣе сидятъ въ комнатѣ нежели мужчины, частое употребленіе разгорячающихъ и горячихъ напитковъ.

Самый вредный изъ всѣхъ напитковъ есть водка, или хлѣбное вино. Она такъ сильно раздражаетъ, что человѣкъ, не привыкшій къ ней, едва чайную ложечку можетъ перенесть ея. Она препятствуетъ пищеваренію, производитъ волненіе и жаръ, и такъ сильно дѣйствуетъ на мозгъ, что тотъ, кто пилъ ее много, теряетъ всякое чувство и становится такъ тяжелъ и безсиленъ, что не можетъ болѣе стоять на ногахъ. Притомъ душевныя силы также слабѣютъ; пьяницы наконецъ теряютъ совершенно память и разсудокъ, такъ, что они становятся болѣе неспособными ко многимъ занятіямъ.

Дѣтямъ водка еще вреднѣе нежели взрослымъ: отъ нея дѣлаются они нездоровыми, лѣнивыми, глупыми и порочными. Безразсудно давать больному лихорадкою какъ лекарство водку, смѣшанную съ перцемъ, и столько-же безразсудно давать ее натощахъ дѣтямъ, чтобы прогнать глистовъ, ибо совсѣмъ несправедливо, чтобы одно, какъ лекарство, прогоняло лихорадку, а другое убивало бы глистовъ въ кишкахъ. Даже мыть голову водкою можетъ быть очень вредно маленькимъ дѣтямъ.

Тотъ, кто хочетъ спокойно спать — никогда не долженъ ложиться въ постель съ полнымъ желудкомъ, не пить горячихъ напитковъ и добрую часть дня работать до усталости. Отъ спокойнаго сна многое зависитъ; ибо кто не спокойно спалъ, тотъ на утро не можетъ быть ни особенно живъ, ни веселъ, и не можетъ имѣть ни силъ, ни охоты къ работѣ.

Спальная комната должна быть не тепла и не низка, но холодна, высока, просторна, и провѣтриваться сколько можно чаще свѣжимъ воздухомъ. И потому днемъ надобно тщательно отворять въ ней окна и не держать ни какихъ занавѣсокъ около постели.

Также вредно спать на перинахъ, ибо онѣ даютъ слишкомъ много тепла, и въ нихъ накопляются нечистыя и часто нездоровыя испаренія, а отъ сего и тѣло дѣлается нездоровымъ. Особливо же онѣ бываютъ причиною флюсовъ, головной и зубной боли, ревматизма и ломотъ. Лучшія постели для взрослыхъ приготовляются изъ конскаго волоса или изъ соломы. Но, если кто привыкъ спать на перяныхъ постеляхъ, тотъ, лѣтомъ, долженъ каждую недѣлю выносить ихъ на воздухъ и выколачивать, а зимою каждыя двѣ недѣли; сверхъ того, по меньшей мѣрѣ, каждый мѣсяцъ перемѣнять постельное бѣлье.

—

ЧТО ТАКОЕ ИСТОРІЯ?

I.

Замѣчаешь ли ты, милый читатель, какъ все вокругъ тебя перемѣняется? Ты, напримѣръ, всталъ сегодня при свѣчкѣ, потому что на дворѣ было темно, а часа черезъ два свѣчку твою погасили, по-

тому что свѣтло стало — вотъ ужь и перемѣна. Ты сидишь одинъ въ комнатѣ; вдругъ входитъ кто-нибудь и начинаетъ съ тобою говорить — вотъ опять перемѣна. Короче, если ты будешь примѣчать, то увидишь, что все вокругъ тебя перемѣняется. И чѣмъ более проходитъ времени, тѣмъ болѣе перемѣнъ случается. Вотъ отъ чего, когда ты долго не будешь видѣть какого нибудь мѣста или человѣка' такъ послѣ ты, можетъ быть, насилу узнаешь это мѣсто или этого человѣка; а все оттого, что съ нимъ между тѣмъ случится много перемѣнъ, или хотъ одна, да важная. Например, ты три года тому назадъ былъ у дяденьки на дачѣ и гулялъ тамъ въ саду; а поѣзжай-ка туда будущее лѣто: ужь сада не найдешь, да и стараго деревяннаго домика не увидишь, потому что вмѣсто него выстроенъ большой каменный домъ. Да и самъ дядя твой ужь не тотъ: бывало, онъ былъ такой веселый и разговорчивый, шутилъ и игралъ съ тобой, а теперь цѣлый день сидитъ нахмурясь въ своемъ домѣ и ни съ кѣмъ говорить не хочетъ. Вотъ какая тутъ перемѣна случилась: и мѣсто и человѣка трудно узнать!

Сдѣлалось это въ три года, и сдѣлалось не вдругъ, а мало по малу, такъ что если бъ ты все тутъ-же былъ, то едва бы замѣтилъ, какъ это сдѣлалось.

Между тѣмъ ты, мой другъ, и самъ все перемѣняешься. Изъ ребенка ты сдѣлался мальчикомъ; изъ мальчика сдѣлаешься взрослымъ человѣкомъ; изъ взрослаго человѣка — старикомъ. Вотъ изъ какихъ перемѣнъ состоитъ жизнь. Вѣдь перемѣняться и значитъ жить. Нѣтъ ни одного человѣка, который бы не перемѣнялся каждый день. Да! это кажется тебѣ страннымъ, однако справедливо. Всѣ мы съ каждымъ днемъ старѣемъ, хоть и не примѣтно; всѣ мы съ каждымъ днемъ становимся въ душѣ или лучше или хуже, хоть намъ и кажется, что мы все тѣ-же. Мы всѣ живемъ для того, чтобы день ото дня становиться лучше, и объ этомъ должны всякую минуту заботиться. Такъ и ты долженъ каждый день стараться, чтобы вечеромъ, ложась спать, былъ ты уже лучше нежели какимъ всталъ поутру. Вѣдь всякій отдѣльный день составляетъ какъ будто особую жизнь. Просыпаясь, ты какъ будто родишься; потомъ живешь, а вечеромъ, засыпая, ты какъ будто

на цѣлую ночь умираешь. Передъ сномъ ты молишься Богу; тогда ты всякій разъ долженъ у себя спрашивать: «чтó я сегодня сдѣлалъ? что я сдѣлалъ хорошаго и что дурнаго? «И если ты точно сдѣлалъ что нибудь дурное, рѣшись завтра быть лучше и ужь никогда болѣе не дѣлать того, въ чемъ упрекаетъ тебя совѣсть. Но когда тебѣ придется засыпать навѣки, то есть умирать, тогда ужь для тебя не будетъ завтрашняго дня, и ужь тебѣ нельзя будетъ перемѣниться.

Я сказалъ тебѣ, что жить значитъ перемѣняться: однакожъ не всѣ перемѣны въ жизни одинаково важны и занимательны. Черезъ нѣсколько лѣтъ у тебя начнетъ рости борода: это будетъ также перемѣна въ твоей жизни, только совсѣмъ не важная. Но когда тебя отдадутъ въ какое нибудь училище, это будетъ важная перемѣна, потому что отъ этого много будетъ зависѣть вся твоя судьба, то есть отъ этого произойдетъ много другихъ и можетъ быть важныхъ перемѣнъ въ твоей жизни. Судьбу вѣдь и составляютъ всѣ тѣ перемѣны, которыя одна за другою случаются въ чьей нибудь жизни. Если пе-

ремѣна вдругъ обнаруживается какимъ нибудь замѣтнымъ образомъ или даже дѣломъ, то она называется случаемъ или происшествіемъ. Происшествіе всегда бываетъ важнѣе случая. Если ты, напримѣръ, упадешь, то эта довольно непріятная перемѣна твоего положенія будетъ только случай; но если у твоего папеньки (сохрани Богъ!) загорится домъ и пропадетъ большая часть имущества, то эта перемѣна — пожаръ — будетъ происшествіе, котораго ты вѣкъ не забудешь, потому что отъ этой перемѣны случится множество другихъ перемѣнъ въ твоей жизни, и твое положеніе совсѣмъ перемѣнится.

II.

Ты не одинъ живешь на свѣтѣ. Когда кто спроситъ: какъ тебя зовутъ? ты скажешь сперва свое имя, потомъ свою фамилію. Эта фамилія принадлежитъ не одному тебѣ, но и родственникамъ твоимъ, которые вмѣстѣ съ тобою составляютъ семейство. Когда-же кто спроситъ: Нѣмецъ-ли ты или Фран-

цузъ? ты скажешь: «нѣтъ, я Русскій!» Это значитъ, что ты принадлежишь къ Русскому народу.

Ты вѣрно знаешь, что человѣческій родъ состоитъ изъ разныхъ народовъ. А что такое народъ? Большое множество семействъ, которыя говорятъ однимъ языкомъ и обыкновенно имѣютъ одну религію, одни нравы и живутъ вмѣстѣ на одной землѣ. Каждый народъ есть особое, великое семейство. И какъ въ семействѣ всѣ подчинены отцу, такъ и цѣлый народъ всегда повинуется кому-нибудь главному, какой-нибудь власти. Иногда нѣсколько народовъ управляются одною и тою же властію. Такъ въ нашей Россіи, кромѣ Русскихъ, есть и Финны и Татары и Поляки и другіе народы, а всѣ они имѣютъ одного общаго Отца—Государя. Такое огромное семейство, состоящее изъ одного или нѣсколькихъ народовъ подъ одною властью, называется Государствомъ.

Народъ отъ времени также перемѣняется, какъ и всякій отдѣльный человѣкъ. По этому можно сказать, что и народъ живетъ, имѣетъ свою жизнь,

свою судьбу, и даже — вотъ что замѣчательно — народъ, какъ и всякій изъ насъ, имѣетъ свои возрасты. Сперва народъ бываетъ грубымъ, непросвѣщеннымъ, то есть онъ еще не воспитанъ, онъ младенецъ, мальчикъ. Потомъ онъ умножается, усиливается, умнѣетъ; онъ будто молодой человѣкъ. И такъ какъ всякій изъ насъ въ этомъ возрастѣ любитъ показывать свою силу, любитъ смѣлые поступки и даже опасности, такъ и народъ въ это время, чувствуя силы свои, часто предпринимаетъ славныя дѣла, завоевываетъ чужія земли и увеличиваетъ свои владѣнія. Послѣ того народъ успокоивается, заводитъ у себя лучшій порядокъ, болѣе занимается хозяйствомъ, науками и искусствами, нежели походами; стало быть, онъ уже остепенился, возмужалъ. Вѣдь и всякій человѣкъ, послѣ молодыхъ лѣтъ, становится гораздо тише, разсудительнѣе, трудится много, а забавляется мало. Наконецъ и для народа настаетъ старость. Онъ слабѣетъ, приходитъ въ разстройство и напослѣдокъ умираетъ, то есть обыкновенно покоряется какимъ нибудь другимъ, молодымъ народамъ и съ ними смѣшивается.

Теперь ты знаешь, что народъ такъ-же перемѣняется, такъ-же живетъ, какъ и всякій отдѣльный человѣкъ, какъ и всякій изъ насъ; въ его жизни такъ-же бываютъ случаи и происшествія, болѣе или менѣе важныя. Желалъ ли бы ты, чтобъ я тебѣ разсказалъ жизнь какого нибудь народа, напримѣръ хоть того, къ которому ты самъ принадлежишь? Только вѣдь этотъ разсказъ сдѣлался-бы чрезвычайно длиненъ. Жизнь народовъ не такъ коротка, какъ жизнь отдѣльныхъ людей. Человѣкъ ужъ старъ въ 60, 70 лѣтъ, до ста почти никто не доживаетъ. А народы живутъ иногда по тысячамъ лѣтъ. Вотъ и Русскому народу скоро минетъ 1000 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ помнитъ себя, то есть какъ нѣкоторые люди стали записывать всѣ перемѣны, какія съ нимъ случаются.

Если бъ я тебя попросилъ разсказать мнѣ твою жизнь, сталъ-ли бы ты описывать всѣ безъ исключенія перемѣны, всѣ случаи, какіе каждый день происходили съ тобой? Нѣтъ: ты вѣрно разсказалъ бы мнѣ изъ своей жизни только главныя перемѣны,

особливо тѣ, отъ которыхъ послѣ случились и другія перемѣны. Такъ долженъ поступать и тотъ, кто захочетъ разсказывать жизнь цѣлаго народа. Онъ долженъ говорить только о тѣхъ перемѣнахъ или происшествіяхъ, въ которыхъ точно видна жизнь народа, а объ ничтожныхъ случаяхъ не долженъ совсѣмъ и упоминать. Въ жизни всякаго есть много такого, что могло быть и иначе, а жизнь бы оттого нисколько не перемѣнилась. Тебѣ, напримѣръ, вчера стригли волосы: но ты отъ этого не сталъ ни лучше, ни счастливѣе и разсказывая мнѣ свою жизнь, ты вѣрно не станешь описывать когда и гдѣ тебя стригли. Ежели, напротивъ, ты прочтешь какую нибудь книгу, изъ которой узнаешь много новаго и полезнаго, то въ разсказѣ своемъ непремѣнно долженъ будешь упомянуть объ ней, потому что ты и въ мысляхъ и въ дѣлахъ своихъ, а слѣдовательно и въ перемѣнахъ своей жизни, почувствуешь вліяніе этой книги. Такъ и тотъ, кто разсказываетъ жизнь народа, пропускаетъ въ ней все маловажное, а останавливается только на существенномъ; сверхъ того, онъ всѣ перемѣны, случившіяся у такого-то народа,

разсматриваетъ въ ихъ взаимной связи, то есть показываетъ, что отъ чего произошло.

Такой разсказъ о жизни народа составляетъ особую науку, называемую Исторіей. Слово это Греческое и по-настоящему значитъ просто разсказъ или повѣствованіе. Можно разсказывать жизнь не только одного народа, но и многихъ, даже всѣхъ, которые когда нибудь жили и теперь живутъ, но, разумѣется, только такихъ, которые ужъ вышли изъ младенчества и составили государство. Вѣдь о жизни маленькихъ дѣтей нечего разсказывать; всѣ они похожи другъ на друга и всѣ дѣлаютъ то же самое. Такъ и дикіе народы еще только начинаютъ свою жизнь; всѣ они сходны одинъ съ другимъ, и исторія ими не занимается. Когда она изображаетъ судьбу всѣхъ главныхъ народовъ, бывшихъ или еще и теперь существующихъ въ мірѣ, то называется Всемірною.

Изъ этого ты легко можешь заключить, что и въ цѣломъ человѣчествѣ происходятъ перемѣны, что слѣдовательно и оно живетъ. Да! и эта жизнь всего занимательнѣе для насъ. Что такое каждый изъ насъ въ сравненіи съ цѣлымъ человѣчествомъ? Не болѣе,

какъ капелька въ океанѣ. Мы всѣ одинъ за другимъ умираемъ, а человѣчество все живетъ и будетъ жить, пока земля стоитъ.

III.

Какъ же для насъ должна быть важна всемірная исторія! Изъ нея мы узнаемъ, какъ и все человѣчество сперва было похоже на младенца, было грубо и невѣжественно; но потомъ мало по малу становилось образованнѣе и лучше. Какъ долго оно не знало истиннаго Бога! Наконецъ, Отецъ нашъ небесный сжалился надъ своими дѣтьми и открылся имъ, пославъ на землю Іисуса Христа. Вотъ послѣ этого-то родъ человѣческій сталъ особенно подвигаться во всемъ, и теперь онъ будетъ изъ вѣка въ вѣкъ еще примѣтнѣе улучшаться. Въ самомъ дѣлѣ: возможно-ли, чтобъ Создатель, заботясь о судьбѣ всякаго отдѣльнаго человѣка, даже всякой безсловесной твари, оставилъ безъ попеченія судьбу всего человѣчества? Нѣтъ, участіе Провидѣнія ясно видно въ Исторіи. Но, разумѣется, Господь Богъ въ пре-

мудрости Своей часто употребляетъ средства, которыхъ мы не понимаемъ. Я тебѣ уже говорилъ, что и народъ такъ же какъ всякій человѣкъ, старѣетъ и наконецъ умираетъ. Однакожъ то добро, которое онъ сдѣлалъ, никогда уже не погибнетъ, а перейдетъ къ другимъ народамъ. Были, напримѣръ, Греки и Римляне. Теперь этихъ двухъ народовъ уже нѣтъ, но все, что они сдѣлали, вся ихъ жизнь, даже ихъ языкъ, до сихъ поръ составляютъ собственность человѣчества. Такъ-то жизнь народа никогда не проходитъ безъ пользы для всего человѣческаго рода, который по этому все и становится лучше. Ты, другъ мой, со временемъ увидишь, какое важное дѣло для каждаго изъ насъ — опытность, то есть знаніе всякой всячины не по наслышкѣ, а потому что мы сами въ жизни испытали. Такъ и для человѣчества чрезвычайно важна опытность. Этому насъ учитъ всемірная Исторія.

Когда разсказывается жизнь одного только народа, или хоть и всѣхъ, да въ какое-нибудь особое время, тогда исторія называется частною. Такъ есть Исторія Франціи, Исторія Англіи, Исторія Рос-

сіи и проч. Такъ-же точно можетъ быть Исторія, напримѣръ, 12-го, 16-го, 18-го и всякаго другаго столѣтія.

Исторія—одна изъ самыхъ полезныхъ, одна изъ самыхъ необходимыхъ наукъ. Я ужъ объяснилъ тебѣ, какъ важна человѣку опытность. Суди-же во сколько умножится твоя опытность, когда ты въ Исторіи узнаешь, какъ прожили не только многіе люди, у которыхъ надобно учиться жить, но и цѣлые народы. Слыша разсказы объ ихъ жизни, ты какъ будто самъ вмѣстѣ съ ними проживаешь ее. Безъ исторіи твоя собственная опытность всегда будетъ недостаточна.

А какъ занимательна Исторія! Сколько въ ней услышишь происшествій! Сколько въ ней узнаешь замѣчательныхъ людей, и добрыхъ и злыхъ, и великихъ и низкихъ—такихъ, которымъ должно подражать, и такихъ, съ которыми должно бояться всякаго сходства. Кто не знаетъ Исторіи, тому все, что вокругъ него происходитъ, кажется новымъ и страннымъ; напротивъ, знающій ее, сравниваетъ настоящее съ прошедшимъ, сличаетъ нынѣшнихъ лю-

дей съ прежними, обо всемъ можетъ судить правильно, даже иногда предвидѣть, чѣмъ какая нибудь перемѣна кончится.

Теперь, если бъ у тебя спросили: «Что такое Исторія?» — подумай, что̀ бы ты отвѣчалъ. Исторія есть.... ну, говори самъ.... По моему, тебѣ надо отвѣчать вотъ какъ: Исторія есть наука, которая изображаетъ въ связномъ разсказѣ существенныя перемѣны въ жизни народовъ, или государствъ. Со временемъ ты самъ, можетъ быть, еще лучше этого отвѣтишь на мой вопросъ; но покуда вамъ и этого довольно.

Еще я долженъ замѣтить кое-что. Если бъ ты разсказывалъ мнѣ свою жизнь, ты бы не только говорилъ, что съ тобой случилось, но для полноты еще прибавлялъ бы: когда и гдѣ такая то перемѣна произошла. Безъ этого я бы все-таки хорошенько не зналъ твоей жизни. Такъ и въ Исторіи: не довольно описывать происшествія; надобно, сверхъ того, показывать время и мѣсто ихъ. И читая Исторію, ты всегда долженъ стараться запоминать во-первыхъ столѣтія и годы, когда что было, а во-

вторыхъ города, селенія, рѣки и другія мѣста. Кто помнитъ годы и столѣтія, о томъ говорятъ, что онъ знаетъ Хронологію, то есть счетъ времени. А кто твердо помнитъ замѣчательныя мѣста и умѣетъ находить ихъ на картѣ, тотъ знаетъ Географію, или землеописаніе. Слова: Хронологія и Географія, также какъ и Исторія, взяты изъ греческаго языка.

—

БАСНИ.

—

ЧУЖАЯ БѢДА.

Уже ль чужой бѣдѣ не должно помогать?
Мужикъ везъ сѣно продавать;
Случился косогоръ, возъ на бокъ повалился.
Мужикъ ну возъ приподымать,
И очень долго съ возомъ бился,
Да видитъ, одному не совладать;
Проѣзжаго къ себѣ на помощь призываетъ.
«Вотъ чортъ на косогоръ занесъ»!
Проѣзжій отвѣчаетъ,
И мимо погоняетъ.
Мужикъ вздохнулъ, и всѣ напрягши силы, возъ
Кое-какъ приподнявъ, съ крутой горы спускаетъ;

Спустилъ, анъ видитъ тутъ съ саньми во рву лежитъ
Проѣзжій, что ему дать помощь отказался
И мимо вскачь промчался,
Теперь же мужику: ой, помоги! кричитъ.
Мужикъ спокойно проѣзжаетъ:
«Знать врагъ
Занесъ въ оврагъ»!
Проѣзжему онъ отвѣчаетъ.
«Ты мнѣ не захотѣлъ помочь;
Лежи жь и самъ теперь. Прощай, братъ, добра ночь»!

—

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

«Пріятель дорогой! здорово, гдѣ ты былъ?»
«Въ Кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ;
Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Повѣришь ли, не станетъ ни умѣнья
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужь подлинно, что тамъ чудесъ палата!
Куда на выдумки природа торовата!

Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!
Какія бабочки, букашки,
Казявки, мушки, таракашки!
Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ кораллъ!
Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки!»
А видѣлъ ли слона? каковъ собой на взглядъ!
Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ.
«Да развѣ тамъ онъ?» Тамъ. «Ну, братецъ, виноватъ:
Слона-то я и не примѣтилъ.»

—

ОБОЗЪ.

Съ горшками шелъ обозъ;
И надобно съ крутой горы спускаться.
Вотъ, на горѣ другихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.
Конь добрый на крестцѣ почти его понесъ,
Катиться возу не давая.
А лошадь сверху молодая
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:

«Ай конь хваленый! то-то диво!
Смотрите, лѣпится какъ ракъ;
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень; косо! криво!
Смѣлѣе!—вотъ толчекъ опять;
А тутъ бы влѣво лишь принять.
Какой оселъ! добро бы было въ гору,
Или въ ночную пору,
А то и подъ гору, и днемъ!
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья;
Таскалъ бы воду ужь, коль нѣтъ въ тебѣ умѣнья.
Гляди-тко насъ, какъ мы махнемъ;
Небось, ужь время не потратимъ,
И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ!»
Тутъ, выгнувши хребетъ и понатужа грудь,
Тронулася лошадка съ возомъ въ путь:
Но только подъ гору она перевалилась,
Возъ началъ напирать, телѣга раскатилась;
Коня толкаетъ въ задъ, коня кидаетъ въ бокъ.
Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ —
На славу.
По камнямъ, рытвинамъ пошли толчки,
Скачки —

Лѣвѣй! лѣвѣй! и съ возомъ бухъ въ канаву;
Прощай хозяйскіе горшки!
Какъ въ людяхъ многіе имѣютъ слабость ту:
Все кажется въ другомъ ошибкой намъ:
А примешься за дѣло самъ,
Такъ напроказишь вдвое хуже

—

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ.

Попрыгунья стрекоза
Лѣто красное пропѣла;
Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза.
Помертвѣло чисто поле;
Нѣтъ ужь дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ,
Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ, и домъ.
Все прошло: съ зимой холодной
Нужда, голодъ настаетъ;
Стрекоза ужь не поетъ;

И кому же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодной!
Злой тоской удручена,
Къ муравью ползетъ она:
«Не оставь меня, кумъ милой!
Дай ты мнѣ собраться съ силой,
И до вешнихъ только дней
Прокорми и обогрѣй!»
—Кумушка, мнѣ странно это:
Да работала ль ты лѣто?
Говоритъ ей муравей.
«До того ль, голубчикъ, было?
Въ мягкихъ муравахъ у насъ
Пѣсни, рѣзвость всякой часъ,
Такъ что голову вскружило.»
А, такъ ты... «Я безъ души
Лѣто цѣлое все пѣла.»
Ты все пѣла? это дѣло:
Такъ поди же, попляши!

—

ГУСИ.

Предлинной хворостиной
Мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать;
И правду истинну сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиной.
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню.
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню.
Но гуси иначе объ этомъ толковали;
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пеняли:
«Гдѣ можно насъ гусей несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ, какъ птицъ простыхъ, гоняетъ;
А этого не смыслитъ неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ;
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ;
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены.»

А вы хотите быть за что отличены?
Спросилъ прохожій ихъ. «Да наши предки...» Знаю,
И все читалъ, но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?
«Да наши предки Римъ спасли.»
Все такъ; да вы что сдѣлали такое?
«Мы?... ничего!» Такъ что-жь и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ;
Имъ по дѣламъ была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое.
Баснь эту можно бы и болѣ пояснить;
Да чтобъ гусей не раздразнить...

—

ПОЛЕВОЙ ЦВѢТОКЪ И ГВОЗДИКА.

Простой цвѣточикъ, дикой,
Не знаю какъ попалъ въ одинъ пучекъ съ гвоздикой,
И что же? отъ нея душистымъ сталъ и самъ!
Хорошее всегда знакомство въ прибыль намъ.

—

ПѢТУХЪ, КОТЪ И МЫШЕНОКЪ.

О дѣти, дѣти! какъ опасны ваши лѣта!
Мышенокъ, не видавшій свѣта,
Попалъ было въ бѣду; и вотъ какъ онъ объ ней
Разсказывалъ въ семьѣ своей:
«Оставя нашу нору
И перебравшись черезъ гору,
Границу нашихъ странъ, пустился я бѣжать,
Какъ молодой мышенокъ,
Который хочетъ показать,
Что онъ ужь не ребенокъ.
Вдругъ съ розмаху на двухъ животныхъ набѣжалъ:
Какіе звѣри, самъ не зналъ!
Одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно выступалъ,
Такъ миловиденъ былъ собою!
Другой—нахалъ, крикунъ, теперь лишь словно съ бою;
Весь въ перьяхъ; у него косматый крюкомъ хвостъ;
Надъ самымъ лбомъ дрожитъ наростъ
Какой-то огненнаго цвѣта;
И такъ... какъ двѣ руки, служащи для полета;

Онъ ими такъ махалъ,
И такъ ужасно горло дралъ,
Что я таки не—трусъ, а подавай Богъ ноги —
Скорѣе отъ него съ дороги!
Какъ больно! безъ него, я вѣрно бы въ другомъ
Нашелъ наставника и друга;
Въ глазахъ его была написана услуга.
Какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хвостомъ!
Съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры,
Смиренны, кроткіе, но полные огня.
Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня;
Головка пестрая, и вдоль спины узоры;
А уши какъ у насъ, и я по нимъ сужу,
Что у него должна быть симпатія съ нами,
Высокородными мышами.»
А я тебѣ на то скажу,
Мышенка мать остановила,
Что этотъ доброхотъ,
Котораго тебя наружность такъ прельстила,
Смиренникъ этотъ — котъ!
Подъ видомъ кротости, онъ врагъ нашъ, злой
губитель;

Другой же былъ пѣтухъ, смиренный куръ любитель.
Не только отъ него не видимъ мы вреда,
Иль огорченья,
Но самъ онъ пищей намъ бываетъ иногда.
Впередъ по виду ты не дѣлай заключенья.

—

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПЕРЕЛЕТНАЯ ПТИЧКА.

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда.
Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ;
Солнце красное взойдетъ —
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.
За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ,
И туманъ и непогоды
Осень поздняя несетъ;

Людямъ скучно, людямъ горе;
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за сине море
Улетаетъ до весны.

—

Овсяный кисель.

Дѣти, овсяный кисель на столѣ; читайте молитву;
Смирно сидѣть, не марать рукавовъ и къ горшку не соваться.
Кушайте: всякій намъ даръ совершенъ и даяніе благо;
Кушайте, свѣты мои, на здоровье, Господь васъ помилуй.
Въ полѣ отецъ посѣялъ овесъ и весной заскородилъ.
Вотъ Господь Богъ сказалъ: поди домой, не заботься;
Я не засну; безъ тебя онъ взойдетъ, разцвѣтетъ и созрѣетъ.
Слушайте жь, дѣти: въ каждомъ зернышкѣ тихо и мирно

Спитъ невидимкой малютка-зародышъ. Долго, долго
Спитъ онъ, какъ въ люлькѣ, не ѣстъ, и не пьетъ, и не
пикнетъ, доколѣ
Въ рыхлую землю его не положатъ и въ ней не
согрѣютъ.
Вотъ онъ лежитъ въ бороздѣ, и малюткѣ тепло подъ
землею;
Вотъ тихомолкомъ проснулся, взглянулъ, и сосетъ,
какъ младенецъ,
Сокъ изъ роднаго зерна, и ростетъ, и невидимо
зрѣетъ;
Вотъ уползъ изъ пеленъ, молодой корешокъ про-
буравилъ
Роется въ глубь, и корма ищетъ въ землѣ и находитъ.
Что же?... Вдругъ скучно и тѣсно въ потемкахъ...
«Какъ бы провѣдать,
Что тамъ на бѣломъ свѣтѣ творится?...» Тайкомъ,
боязливо
Выглянулъ онъ изъ земли... Ахъ! Царь мой небес-
ный, какъ любо!
Смотришь — Господь-Богъ Ангела шлетъ къ нему
съ неба:

«Дай росинку ему и скажи отъ Создателя: здравствуй.»
Пьетъ онъ... ахъ, какъ же малюткѣ сладко, свѣжо и свободно!
Радится красное солнышко; вотъ нарядилось, умылось,
На горы вышло съ своимъ рукодѣльемъ; идетъ по небесной
Свѣтлой дорогѣ: прилежно работая, смотритъ на землю
Словно какъ мать на дитя, и малюткѣ съ небесъ улыбнулось,
Такъ улыбнулось, что всѣ корешки молодые взыграли.
«Доброе солнышко, даромъ вельможа, а всякому ласка!»
Въ чемъ же его рукодѣлье? Точитъ облачко дождевое.
Смотришь: померкло; вдругъ каплетъ; вдругъ полилось, зашумѣло.
Жадно зародышекъ пьетъ; но подулъ вѣтерокъ—онъ обсохнулъ.
«Нѣтъ (говоритъ онъ) теперь ужь подъ землю меня не заманятъ.

Что мнѣ въ потемкахъ? здѣсь я останусь, пусть будетъ что будетъ.»
Кушайте, светы мои, на здоровье; Господь васъ помилуй.
Ждетъ и малютку тяжкое время: темныя тучи
День и ночь на небѣ стоятъ, и прячется солнце;
Снѣгъ и мятель на горахъ, и градъ съ гололедицей въ полѣ.
Ахъ, мой бѣдный зародышекъ, какъ же онъ зябнетъ, какъ ноетъ!
Что съ нимъ будетъ? земля заперлась и негдѣ взять пищи.
«Гдѣ же (онъ думаетъ) красное солнышко? что не выходитъ?
Или боится замерзнуть? иль и его нѣтъ на свѣтѣ?
Ахъ, зачѣмъ покидалъ я родимое зернышко! дома
Было мнѣ лучше; сидѣть бы въ пріютномъ теплѣ подъ землею.»
Дѣтушки, такъ-то бываетъ на свѣтѣ: и вамъ доведется
Вчужѣ межъ злыми людьми, съ трудомъ добывая
Хлѣбъ свой насущный, сквозь слезы сказать въ одинокой печали:

«Худо мнѣ; лучше бы дома сидѣть у родимой за печкой....»
Богъ васъ утѣшитъ, друзья; всему есть конецъ; веселѣе
Будетъ и вамъ, какъ былиночкѣ. Слушайте: въ ясный день майскій
Свѣжесть повѣяла... солнышко яркое на горы вышло,
Смотритъ: гдѣ нашъ зародышекъ? что съ нимъ? и крошку цѣлуетъ.
Вотъ онъ ожилъ опять, и себя отъ веселья не помнитъ.
Мало по малу одѣлись поля муравой и цвѣтами;
Вишня въ саду зацвѣла; зеленѣетъ и слива, и въ полѣ
Гуще становится рожь, и ячмень, и пшеница, и просо;
Наша былиночка думаетъ: «я назади не останусь!»
Кстати-ль! листки распустила... кто такъ прекрасно соткалъ ихъ?
Вотъ стебелекъ показался... кто изъ жилочки въ жилку
Чистую влагу провелъ отъ корня до маковки сочной?
Вотъ проглянулъ, налился и качается въ воздухѣ колосъ...
Добрые люди, скажите: кто такъ искусно развѣсилъ

Почки по гибкому стеблю на тоненькихъ, шелковыхъ нитяхъ?
Ангелы! кто же другой? Они отъ былинки къ былинкѣ
По полю взадъ и впередъ съ благодатью небесной летаютъ.
Вотъ ужь и цвѣтомъ нѣжный, зыбучій колосикъ осыпанъ;
Наша былинка стоитъ, какъ невѣста въ уборѣ вѣнчальномъ.
Вотъ налилось и зерно и тихохонько зрѣетъ; былинка
Шепчетъ, качая въ раздумьи головкой: я знаю, что будетъ.
Смотришь: слетаются мошки, жучки, молодую поздравить;
Пляшутъ, толкутся кругомъ, припѣваютъ ей: многія лѣта;
Въ сумерки-жь, только что мошки, жучки позаснутъ и замолкнутъ,
Тащится въ травкѣ свѣтлякъ съ фонаремъ посвѣтить ей въ потемкахъ.
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй.

Вотъ ужь и Троицынъ день миновался, и сѣно скосили;
Собраны вишни; въ саду ни одной не осталося сливки;
Вотъ ужь пожали и рожь, и ячмень, и пшеницу, и просо;
Ужь и на жниво сбирать босикомъ ребятишки сходились
Колосъ оброненный; имъ помогла тихомолкомъ и мышка. . .
Что-то былиночка дѣлаетъ? О, ужь давно пополнѣла;
Много, много въ ней зернышекъ; гнется и думаетъ: «полно;
Время мое миновалось; зачѣмъ мнѣ одной оставаться
Въ полѣ пустомъ межь картофелемъ, пухлою рѣпой и свеклой?»
Вотъ съ серпами пришли и Иванъ, и Лука, и Дуняша;
Ужь и морозъ покусалъ имъ утромъ и вечеромъ пальцы;
Вотъ и снопы ужь сушили въ овинѣ; ужь ихъ молотили
Съ трехъ часовъ по утру до пяти по полудни на ригѣ;

Вотъ и гнѣдко потащился на мельницу съ возомъ тяжелымъ;
Началъ жерновъ молоть, и зернышки стали мукою;
Вотъ молочка надоила отъ пестрой коровки родная
Полный горшечекъ; сварила кисель, чтобъ дѣтушкамъ кушать;
Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали: «спасибо.»

—

МУРАДЪ НЕСЧАСТНЫЙ.

ТУРЕЦКАЯ СКАЗКА.

Извѣстно, что одинъ изъ покойныхъ турецкихъ султановъ имѣлъ обыкновеніе прохаживаться ночью, одѣтый въ простую одежду, по улицамъ константинопольскимъ; онъ подражалъ въ этомъ случаѣ славному Гаруну-Аль-Рашиду, багдадскому калифу, о которомъ должны знать читатели *Тысячи и одной ночи.*

Однажды, прохаживаясь по городу при свѣтѣ полной луны, въ сопровожденіи великаго визиря, султанъ, если не ошибаюсь, покойный Селимъ, остановился передъ домомъ кожевника и сказалъ своему спутнику: «Ты вѣрно читалъ въ Тысячѣ одной ночи сказку о кожевникѣ и двухъ его друзьяхъ, которыхъ

мнѣнія о судьбѣ человѣческой были всегда противоположны; я желалъ бы знать: что думаешь ты объ этомъ важномъ предметѣ?

— Я, государь? Мнѣніе мое состоитъ въ томъ, что благоразуміе человѣка имѣетъ великое вліяніе и на судьбу его, и что одному благоразумію, а не счастію, какъ говорится, обязаны мы бываемъ по большой части успѣхами.

«Я думаю совсѣмъ напротивъ. Одного называютъ *счастливый человѣкъ*, другаго *несчастливый*: отчего это? Не самъ ли опытъ научаетъ насъ дѣлать такое различіе, которое въ противномъ случаѣ было бы совершенно безъ смысла?»

— Не смѣю противорѣчить тебѣ, повелитель правовѣрныхъ!

«Говори: я приказываю.»

— Повинуюсь, и вотъ мое мнѣніе: тотъ не разсматриваетъ съ надлежащимъ примѣчаніемъ ни причинъ, ни слѣдствій, кто приписываетъ удачу счастію, а неудачу несчастію. Въ столицѣ твоей находятся два человѣка: одного изъ нихъ ставятъ въ примѣръ постояннаго счастія; другаго, напротивъ, въ

примѣръ постояннаго несчастія; первый есть Саладинъ, по прозванію *счастливецъ*; послѣдній Мурадъ, по прозванію *несчастный*. Что бы ни было, но я увѣренъ, что все различіе между ними состоитъ въ одномъ только благоразуміи.

«Гдѣ живутъ эти два человѣка? Хочу, чтобы они сами разсказали мнѣ свою исторію. Проводи меня къ ихъ жилищу.»

— Домъ Мурада *несчастнаго* весьма отсюда близко; слѣдуй за мною, повелитель правовѣрныхъ! Султанъ и визирь его приближаются къ небольшому домику; отворяютъ дверь; слышатъ стенанія; входятъ. Глазамъ ихъ представляется плачущій человѣкъ: онъ рвалъ на себѣ бороду, топталъ ногами свою чалму, словомъ, оказывалъ совершенное изступленіе, и это былъ Мурадъ. Посѣтители спросили: какое несчастіе приключилось ему, и отчего онъ такъ горько плачетъ? Онъ не отвѣчалъ ни слова, но указалъ имъ на черепки прекрасной фарфоровой вазы, разсыпанные по паркету.

«И эта бездѣлица огорчаетъ тебя такъ сильно?» спросилъ султанъ.

— По вашей одеждѣ, государи мои, заключаю, что вы иностранные купцы: вы не знаете Мурада *несчастнаго*; въ противномъ случаѣ вы не могли бы удивляться моему горю; несчастіе написано мнѣ на роду, и вы согласились бы вмѣстѣ съ другими называть меня несчастнымъ, когда бы узнали мою исторію. Ночуйте въ моемъ домѣ, и я разскажу вам печальныя свои приключенія.

«Ночевать у тебя намъ невозможно,» отвѣчалъ султанъ: «но выслушать твою повѣсть будетъ для насъ очень пріятно.»

— Садитесь.

Султанъ и визирь его сѣли, а Мурадъ началъ разсказывать

«Отецъ мой Гассанъ проживалъ въ здѣшнемъ городѣ. Наканунѣ рожденія моего привидѣлся ему чудный сонъ, заключавшій въ себѣ, такъ сказать, предвѣщаніе тѣхъ несчастій, которыя отъ самой колыбели не перестаютъ меня преслѣдовать. Отцу моему снилось, будто у него родился сынъ съ собачьей головой и змѣинымъ хвостомъ; будто онъ надѣлъ на него султанскую чалму, и за то осужденъ былъ на смерть.

«Отецъ мой вѣрилъ, какъ и всѣ добрые мусульмане, предопредѣленію, и этотъ чудесный сонъ испугалъ его чрезвычайно. Нашему сыну, сказалъ онъ моей матери, назначено сдѣлать всѣхъ насъ несчастными, и онъ возненавидѣлъ меня еще до рожденія; а чтобы не видѣть ни моей собачьей головы, ни моего змѣинаго хвоста, отправился въ Алепъ, за нѣсколько часовъ до моего горестнаго появленія на этотъ свѣтъ.

«Его путешествіе продолжалось восемь лѣтъ съ половиною. Во время его отсутствія никто не заботился о моемъ воспитаніи; а мать моя твердила мнѣ поминутно, что у меня собачья голова и змѣиный хвостъ. Ты Мурадъ *несчастный*, сказала она мнѣ однажды. Въ это время сидѣла подлѣ нея какая-то старушка, съ глубокими морщинами на лбу и на щекахъ, съ крюковатымъ носомъ, беззубая и косая; она прибавила страшнымъ и хриповатымъ голосомъ, который еще и теперь отзывается у меня въ ушахъ: «Такъ, подлинно несчастный, былъ, есть и будешь. . . .» Потомъ она сказала: «Кто родился подъ непріязненною звѣздою, тотъ будетъ и

долженъ быть во всемъ несчастенъ; одинъ только Магометъ властенъ уничтожить очарованіе: безумецъ противится своей судьбѣ, а умный человѣкъ покорствуетъ ей безъ прекословія.» Слова старушки врѣзались въ мою память, и я при всякомъ новомъ несчастіи говорилъ: правду сказала ты, старушка: судьбѣ своей противиться невозможно.

«Мнѣ было уже восемь лѣтъ, когда отецъ мой пріѣхалъ изъ Алепа; въ этотъ годъ родился братъ мой Саладинъ, котораго наименовали *счастливцемъ*, потому что въ самый день его рожденья вошелъ въ пристань корабль отца моего, богато нагруженный товарами. Не могу исчислить тѣхъ счастливыхъ случаевъ, которыми ознаменовано было младенчество моего брата; успѣхи его были такъ же разительны, какъ и мои досадныя неудачи.

«Со времени прибытія корабля мы жили въ великомъ довольствѣ; все это приписано было счастію брата моего Саладина.

«Мнѣ совершилось двадцать восемь, а Саладину двадцать лѣтъ, когда отецъ нашъ занемогъ тяжелою и опасною болѣзнію. Призвавъ къ постелѣ своей

Саладина, онъ сказалъ: «Мой сынъ, наши дѣла въ чрезвычайной разстройкѣ: роскошь и разныя разорительныя предпріятія уничтожили все мое богатство остались у меня двѣ фарфоровыя вазы, драгоцѣнныя особенно по нѣкоторымъ таинственнымъ знакамъ, на нихъ изображеннымъ, и вѣрно имѣющимъ великое вліяніе на счастіе человѣка, которому будутъ принадлежать онѣ. Дарю тебѣ ту и другую; для Мурада онѣ безполезны: будучи осужденъ на несчастіе и неудачу, онъ безъ сомнѣнія или потеряетъ, или разобьетъ ихъ; одно изъ двухъ должно случиться необходимо.

«Но Саладинъ не имѣлъ никакой довѣренности къ предопредѣленію; а будучи добръ и великодушенъ, онъ далъ мнѣ на волю выбирать любую изъ вазъ и старался утѣшеніями своими возвратить мнѣ потерянную мою бодрость. Я благодарилъ его; но былъ твердо увѣренъ, что нѣтъ возможности человѣку сражаться съ судьбою.

«Саладинъ, видя, въ какой разстройкѣ были наши торговыя дѣла, не приходилъ однако отъ этого

въ уныніе. Поищемъ способа ихъ поправить, говорилъ онъ; но я отчаявался и качалъ головою.

«Въ вазахъ, которыя достались намъ въ наслѣдство, находился какой-то красный порошекъ. Саладинъ вздумалъ составить изъ него красную краску, и въ самомъ дѣлѣ вышла краска удивительная. Еще при жизни отца нашего познакомился съ нами одинъ богатый купецъ, который ставилъ въ сераль всякаго рода мебели и уборы. Саладинъ пріобрѣлъ благосклонность этого человѣка; а онъ, имѣвши большой кредитъ, старался помочь ему ввести въ общее употребленіе составленную имъ красную краску. Она полюбилась, и всѣ начали ее покупать. Но саладиновъ запасъ краснаго порошка видимо уменьшался; онъ вздумалъ разсмотрѣть его составъ, и скоро, посредствомъ многихъ химическихъ опытовъ, узналъ эту тайну: съ тѣхъ поръ онъ могъ уже во всякое время имѣть такое количество краски своей, какое было ему потребно.

«И надо вамъ сказать, милостивые государи, что Саладинъ имѣетъ качества необыкновенныя: онъ всегда веселъ; наружность его, чрезвычайно пріятная,

вселяетъ къ нему довѣренность, и всякому хочется имѣть дѣло съ Саладиномъ. Увы! небо отказало мнѣ во всѣхъ этихъ преимуществахъ; я часто замѣчалъ, что лице мое, печальное и угрюмое (слѣдствіе многочисленныхъ несчастій), отдаляло отъ меня людей: ни кто не хочетъ ввѣряться такому человѣку, который всегда глядитъ изъ подлобья.

«Я помню, что одна богатая женщина, сопровождаемая толпою невольниковъ и невольницъ, пришла въ лавку моего брата Саладина; ей хотѣлось что-то купить; но брата не было въ лавкѣ; встрѣтить эту госпожу и показывать ей товары надлежало мнѣ. Она прельстилась моею фарфоровою вазою; хотѣла непремѣнно ее купить, соглашалась дать мнѣ такую цѣну, какую потребую; но я отказалъ ей на отрѣзъ, будучи твердо увѣренъ, что ваза моя есть талисманъ, и что, разставшись съ нею, навлеку на себя какое нибудь несчастіе. Незнакомая госпожа требовала весьма упорно, чтобы я продалъ ей вазу; но я съ такимъ же упорствомъ отказывался отъ продажи, и наконецъ она вышла изъ лавки въ превеликой досадѣ.

«Саладинъ пришелъ домой; я разсказалъ ему о томъ, что случилось въ его отсутствіе. Онъ называлъ поступокъ мой неблагоразумнымъ, и говорилъ, что никогда не должно терять выгоды настоящей и вѣрной для выгоды мечтательной и отдаленной. На другой день незнакомая госпожа опять зашла въ нашу лавку, и Саладинъ продалъ ей свою вазу за десять тысячь золотыхъ монетъ. На эти деньги накупилъ онъ разныхъ товаровъ, отчего торгъ его сдѣлался и прибыточнѣе и важнѣе.

«Я раскаявался, но раскаяніе мое было уже поздное, и этотъ случай былъ новымъ доказательствомъ, что у меня на роду написано придумывать умное не во время и безъ успѣха. Въ самомъ дѣлѣ, не хуже другихъ вижу я, какъ надобно въ какомъ случаѣ поступить; но это обыкновенно случается со мною уже тогда, когда случай прошелъ, и когда мнѣ остается только сожалѣть, для чего поступилъ я въ противность здравому смыслу. Нерѣдко бывало и то, что я остаюсь въ нерѣшимости, а между тѣмъ чувствую самъ, что случай благопріятный

улетаетъ. Что мнѣ дѣлать! могу ли противиться дѣйствію злобной планеты?

«Открылось, что незнакомая женщина, купившая у брата моего фарфоровую вазу, была любимая султанша: все повиновалось ея владычеству въ сералѣ. Она возненавидѣла меня за то, что я съ такимъ упорствомъ отказался исполнить ея желаніе, и объявила, что нога ея не будетъ въ лавкѣ Саладина по тѣхъ поръ, пока онъ не разстанется съ Мурадомъ. Саладинъ никакъ не хотѣлъ меня отпустить отъ себя; но живучи со мною онъ потерялъ бы многія, весьма для него важныя выгоды. Я, не могши рѣшиться помѣшать фортунѣ такого добраго брата, каковъ былъ Саладинъ, ушелъ потихоньку изъ его дома и, сказать правду, самъ не зналъ, что со мною будетъ.

«Нѣсколько времени скитался я по улицамъ константинопольскимъ, и уже начиналъ чувствовать голодъ. Сажусь у дверей хлѣбника и требую, чтобы онъ далъ мнѣ какую нибудь помощь. Хлѣбникъ обѣщался накормить меня досыта, если я соглашусь надѣть на себя его платье и вмѣсто него продавать

по улицамъ хлѣбы. Я согласился; судьба моя того хотѣла. Но уже давно жители Константинополя жаловались на хлѣбниковъ за то, что ихъ хлѣбы и худо были испечены и не имѣли надлежащаго вѣса. Неудовольствія въ здѣшнемъ городѣ, какъ и вамъ удавалось, можетъ быть, слыхать, производятъ нерѣдко великія возмущенія. Все это не хуже другихъ было мнѣ извѣстно; но злая моя судьба запретила мнѣ во время объ этомъ подумать.

« Около четверти часа бродилъ я изъ улицы въ улицу, продавая хлѣбы; вдругъ окружило меня множество чернаго народа; начинаютъ меня бранить, толкать, бросаютъ въ меня грязью; бѣгу къ воротамъ султанскаго дворца, и вся толпа бѣжитъ за мною съ ужаснымъ крикомъ. Визирь, испуганный возмущеніемъ, приказываетъ отрубить мнѣ голову, чтобы успокоить народъ. Бросаясь предъ его могуществомъ на колѣна, объявляю, что не я тотъ хлѣбникъ, на котораго гнѣвается народъ; разсказываю исторію о своемъ платьѣ. Сжальтесь, честные мусульмане, воскликнулъ я наконецъ въ слезахъ; не я виноватъ, а суровая моя участь. Всѣ засмѣялись.

8

Одни плевали мнѣ въ лицо, другіе кричали: отрубите ему голову, она очень глупа и ни на что ему не годится. Нашлись однако добрые люди, которые за меня вступились; наконецъ меня выпустили, и я побѣжалъ, не оглядываясь, бросивъ посреди улицы корзину съ хлѣбами, которые всѣ были расхищены въ одну минуту.

«Я рѣшился уйти изъ Константинополя, оставивъ вазу свою на сохраненіе Саладину. Какъ вздумано, такъ и сдѣлано. Въ пристани встрѣтился я съ отрядомъ войска, отправлявшимся на кораблѣ въ Египетъ. Буди воля пророка, сказалъ я самому себѣ. Если назначено мнѣ утонуть въ морѣ, то ужь конечно я не умру на сушѣ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—и я сѣлъ на корабль. Долго ли мы плыли, не знаю; во все время нашего путешествія сидѣлъ я на палубѣ и курилъ табакъ, твердо рѣшившись не перемѣнять своего положенія и въ самую жестокую бурю. Если назначено кораблю погибнуть, такъ думалъ я, то онъ погибнетъ непремѣнно, сколько бы я ни трудился предохранять его отъ разбитія! Зачѣмъ же безпокоить себя попустому? никто не

можетъ избавиться отъ того, что ему назначено промысломъ.

«Но мы пристали благополучно къ берегамъ Египта. Я вышелъ изъ корабля послѣдній; было уже очень поздно, когда я пришелъ въ лагерь Эль-Арипа. Трубка моя погасла; иду къ одной палаткѣ, въ которой свѣтился огонь, чтобы ее раскурить. Вдругъ вижу на землѣ что-то блестящее; наклоняюсь: то былъ драгоцѣнный алмазный перстень. Беру его, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы на другое утро объявить черезъ крикуна о своей находкѣ, и надѣваю на лѣвый мизинецъ. Все несчастія! Перстень былъ слишкомъ великъ, а мизинецъ мой слишкомъ малъ, и въ то самое время, какъ я наклоняюсь къ огню, чтобы закурить свою трубку, онъ упалъ въ сѣно, разостланное передъ осломъ; я началъ разгребать сѣно; оселъ ударилъ меня задними копытами, и такъ сильно, что я, отлетѣвъ отъ него шаговъ на пять, упалъ на солдата, спавшаго подлѣ палатки. Онъ закричалъ, и крикомъ своимъ разбудилъ другихъ; они вскочили, сбѣжались ко мнѣ, обступили меня кругомъ; въ это самое время, какъ на бѣ-

ду, попался мнѣ въ сѣнѣ потерянный мною перстень, и я держалъ его въ рукѣ. Трудно ли послѣ этого счесть меня за вора? И тотчасъ начали меня увѣрять, что я укралъ какіе-то дорогіе товары, похищенные за недѣлю до прибытія нашего въ лагерь. Я представилъ свидѣтелей, которые вмѣстѣ со мною побожились, что я въ это время плылъ на кораблѣ изъ Константинополя; намъ повѣрили; однако, не смотря на то, приказали меня для нѣкоторыхъ причинъ выколотить палками по пятамъ, что было въ туже минуту весьма порядочно исполнено; и я три дни пролежалъ въ постелѣ, съ превеликою опухолью на пяткахъ. Подобные случаи бываютъ только со мною; а вся бѣда произошла отъ того, что мнѣ не вздумалось прежде утвердить хорошенько на пальцѣ своемъ перстень, и потомъ уже начать раскуривать свою трубку.

«Наконецъ опухоль на пяткахъ моихъ прошла и я могъ уже вставать съ постели. Однажды вздумалось мнѣ заглянуть въ одну палатку, надъ которою развѣвался красный флагъ и которую называли кофейнымъ домомъ. Въ этомъ кофейномъ домѣ

увидѣлъ я незнакомаго мнѣ человѣка, который очень сожалѣлъ о потерѣ драгоцѣннаго перстня; онъ описалъ мнѣ его примѣты; я тотчасъ догадался, что это былъ тотъ самый несчастный перстень, за который пострадали мои пятки. Я бы охотно подарилъ двѣсти цехиновъ тому, кто возвратитъ мнѣ, или скажетъ, гдѣ я могу отыскать свой перстень, говорилъ мой незнакомецъ, и я разсказалъ ему случившееся со мною, прибавивъ, что знаю въ лицо того мошенника, который вырвалъ изъ рукъ моихъ перстень. Однимъ словомъ, пропажа была мною отыскана, и я получилъ кошелекъ съ двумя стами цехиновъ, что нѣсколько утѣшило меня въ несчастіи.

«Однажды ночью товарищи мои спали, а я перебиралъ и пересчитывалъ свои цехины. На другой день эти господа пригласили меня съ собою выпить нѣсколько чашекъ шербету; я согласился, и для чего было не согласиться? Они меня подчивали, а я пилъ. Вдругъ начинаю чувствовать пресильную охоту спать; заснулъ, просыпаюсь, гдѣ же я? Въ открытомъ полѣ, подъ пальмовымъ деревомъ. Пер-

вая мысль о цехинахъ; ищу своего кошелька: онъ тутъ; а гдѣ цехины? Всѣ исчезли; вмѣсто нихъ я нашелъ въ кошелькѣ около сотни маленькихъ камешковъ. Я догадался, что меня обманули, что вмѣсто шербета дали мнѣ пьянаго напитка, и что все это было сдѣлано по общему согласію съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы обобрать у меня мои цехины, которые замѣчены были мошенниками въ то время, когда я ихъ пересчитывалъ, воображая, что всѣ мои товарищи спали глубокимъ сномъ.

«Я побѣжалъ въ лагерь, жаловался; но жалобы мои остались безплодными: я не имѣлъ доказательствъ, и всѣ надо мною смѣялись. Въ своемъ отчаяніи воскликнулъ я: *бѣдный Мурадъ*! И вмигъ разнеслось извѣстіе, что *Мурадъ несчастный*, котораго неудачи столь славны были въ Константинополѣ, находится въ лагерѣ; на меня приходили смотрѣть, какъ на чудо; а когда я прохаживался по улицамъ лагеря, то всѣ указывали на меня пальцами и всѣ говорили: *вотъ идетъ Мурадъ несчастный*. И сказать правду, такая слава была не очень мнѣ по сердцу.

«Въ это время солдаты наши имѣли страстную охоту стрѣлять въ цѣль, и они стрѣляли безъ всякой осторожности. Мнѣ самому случилось однажды видѣть, что выстрѣлъ, направленный въ верхушку палатки, попалъ въ самую палатку, которую пуля пробила навылетъ; около десяти солдатъ было убито наповалъ, и никто не могъ свѣдать, кто убійца. Такія несчастія почти не дѣлали никакого впечатлѣнія; свидѣтели убійства говорили очень спокойно, смотря на убитаго: «добрый путь въ Магометовъ рай; часъ его пришелъ; отъ суженаго не избѣгнешь!» — Всѣ эти примѣры болѣе и болѣе усиливали во мнѣ вѣру въ предопредѣленіе. Я часто говорилъ самому себѣ: завтра, можетъ быть, умру; повеселимся же нынѣ, пока есть время.

«Хотя я не имѣлъ своихъ денегъ, но я не терпѣлъ въ нихъ никакого недостатка: жиды, находившіеся въ лагерѣ, ссужали ими солдатъ за большіе проценты. Я познакомился съ однимъ изъ этихъ плутовъ, который зналъ моего брата Саладина; этотъ ростовщикъ, будучи увѣренъ, что въ случаѣ смерти моей заплатитъ за меня мой братъ, согласился ссу-

дить меня хорошею суммою. Я очень любилъ кофе и опіумъ: пріятное волненіе, которое производилъ во мнѣ сей послѣдній напитокъ, оживляло мою душу, и я забывалъ на нѣсколько времени свое горе.

«Однажды я былъ очень веселъ, плясалъ, какъ сумашедшій, и поздравлялъ себя на распѣвъ, что я уже не Мурадъ несчастный; въ эту минуту схватилъ меня за руку одинъ совсѣмъ незнакомый мнѣ человѣкъ: спрячься скорѣе, Мурадъ; развѣ не видишь, что стрѣлки прицѣлились въ твою чалму? Они уже дали одинъ промахъ, въ другой разъ могутъ и попасть!—За кого ты меня принимаешь, сказалъ я: теперь уже нѣтъ Мурада несчастнаго. И я продолжалъ плясать; минуты черезъ двѣ пуля ударила меня въ голову, и я упалъ замертво. Меня оживили; но леченіе раны моей было для меня хуже смерти: такъ жестоко меня мучили. Самое досадное было то, что армія должна была идти въ походъ, и я боялся, чтобы меня не бросили назади, вмѣстѣ съ неизлечимыми.

«Лекарь совѣтовалъ мнѣ, чтобы я старался какъ можно быть спокойнѣе; но я уже вамъ сказалъ, что

вредоносная планета моя вѣчно препятствовала мнѣ понимать вещи и во время и какъ должно. Мое безпокойство о томъ, чтобы не остаться назади, было такъ велико, что я по нѣскольку разъ въ день подымался съ постели, чтобы посмотрѣть, согласно ли съ постановленіемъ выходятъ изъ лагеря наши войска? Но солдаты не очень спѣшили повиноваться, и палатки были снимаемы очень медленно. Лекарь, навѣстивъ меня ввечеру, нашелъ, что я очень боленъ и что мнѣ трудно будетъ перенести безпокойства похода. На другой день приходятъ за мною солдаты, хотятъ посадить меня на осла; но этотъ оселъ былъ тотъ самый, который лягнулъ меня задними ногами въ то время, когда я искалъ перстня: я разсудилъ, что эта скотина можетъ навлечь на меня какое нибудь несчастіе, и отказался на нее сѣсть, упросивъ солдатъ чтобы они несли меня попремѣнно на рукахъ. Но жаръ былъ несносный; они не могли его вынести, и положили меня на песокъ, сказавъ, что идутъ къ ближнему источнику за водою.

«Напрасно дожидался я ихъ возвращенія; злодѣи безъ всякаго состраданія оставили меня уми-

рать на горячемъ пескѣ отъ жажды, которая страшнымъ образомъ меня мучила. Я потерялъ всю надежду. Магометъ опредѣлилъ, такъ думалъ я, чтобы мнѣ погибнуть въ степи и чтобы хищныя птицы расклевали мое тѣло! Да будетъ его воля! Но въ это время нашелъ на меня отрядъ англійскихъ войскъ. Хотя они и христіане, но поступили со мною гораздо человѣколюбивѣе нежели правовѣрные Магометовы чада: эти добрые люди залечили мою рану; судьба однако не переставала преслѣдовать меня, какъ и прежде. Вотъ что со мною случилось. Мы терпѣли страшную жажду. Англичане вздумали вырыть колодезь въ одномъ мѣстѣ, гдѣ, по увѣренію одного изъ инженеровъ, должна была находиться вода. Будучи большой неохотникъ рыться въ землѣ, я разсудилъ отыскать источникъ, и указалъ на одно мѣсто, гдѣ, по моимъ примѣтамъ, надлежало быть пруду. Меня остерегали, увѣряя, что поиски мои будутъ напрасны, и что я конечно не найду воды въ томъ мѣстѣ, въ которомъ найти ее чаю. Я не послушался добрыхъ совѣтовъ, пошелъ, и въ самомъ дѣлѣ не нашелъ ничего. Безъ

сомнѣнія былъ я обманутъ какимъ нибудь злонамѣреннымъ духомъ.

Утомившись чрезвычайно, палимый зноемъ, пошелъ я назадъ по тѣмъ слѣдамъ, которые оставлены были на пескѣ моими ногами. Началъ дуть вѣтерокъ; онъ освѣжалъ меня, и я благодарилъ Небо за эту помоцъ; но какъ же я ужаснулся, когда замѣтилъ, что этотъ самый прохладный вѣтерокъ заметалъ слѣды, означавшіе на пескѣ мою дорогу; всѣ они исчезли, и я не зналъ, въ какую сторону обратиться. Я чувствовалъ голодъ; мучительная жажда меня снѣдала; наконецъ отчаяніе мною овладѣло: я бросилъ на песокъ свою чалму, разорвалъ на себѣ одежду, и залился горькими слезами. Смерть моя казалась неизбѣжною; я думалъ только о томъ, какъ бы ее ускорить. Еще прежде выступленія войскъ нашихъ запасся я на всякой случай опіумомъ; онъ спрятанъ былъ въ складкахъ моей чалмы; хочу его принять; увы, послѣднее утѣшеніе умереть легкою смертью было похищено у меня жестокою судьбою: опіумъ выпалъ изъ чалмы въ ту самую минуту, когда я ее сбросилъ съ головы, и я не могъ уже

отыскать его въ пескѣ. Я повалился на землю, поручивъ участь свою Магомету.

Никакимъ перомъ нельзя описать того, что я терпѣлъ отъ голода и жажды; наконецъ пришелъ я въ какое-то бѣшенство, и мнѣ видѣлись разные ужасы. Долго ли продолжалось это безпамятство, я не знаю; но меня извлекли изъ него человѣческіе голоса: я увидѣлъ въ нѣкоторомъ отъ себя разстояніи караванъ богомольцевъ, возвращающихся изъ Мекки. Они нашли источникъ, и это было причиною тѣхъ радостныхъ восклицаній, которыя меня разбудили. Подивитесь же моему несчастію: этотъ источникъ находился отъ меня очень близко, а я умиралъ отъ жажды. Не смотря на свою слабость, я началъ кричать и поползъ къ тому мѣсту, откуда слышались мнѣ голоса. Я скоро увидѣлъ своими глазами путешественниковъ; они наполняли водою мѣхи и поили верблюдовъ. Но силы мои совсѣмъ истощились, я не могъ уже ни кричать, ни ползти, и видѣлъ, что они садились на верблюдовъ, готовы будучи удалиться. О жестокая звѣзда, подумалъ я: они уѣдутъ! Но мнѣ пришло въ голову снять съ

моей чалмы бѣлое полотно и имъ махать, что я и сдѣлалъ. Путешественники меня увидѣли, приблизились ко мнѣ; одинъ невольникъ меня напоилъ, и я разсказалъ имъ, какою судьбою зашелъ въ эту ужасную пустыню.

«Между тѣмъ одинъ изъ путешественниковъ разсматривалъ очень внимательно кошелекъ, висѣвшій у меня на поясѣ; это былъ тотъ самый кошелекъ, который получилъ я съ цехинами за открытіе потеряннаго перстня; на немъ изображено было имя того, кому онъ принадлежалъ прежде. Путешественникъ, смотрѣвшій на него со вниманіемъ, былъ братъ моего благодѣтеля, мы объяснились, и этотъ человѣкъ обѣщалъ меня не оставить. Караванъ шелъ въ Каиро; мой новый знакомецъ предложилъ мнѣ слѣдовать за нимъ; и вамъ ненужно сказывать, что я съ большою охотою согласился на это выгодное для меня предложеніе.

«Послушай, Мурадъ, сказалъ мнѣ новый мой покровитель, когда я описалъ ему свои несчастія: ты почитаешь себя осужденнымъ на неудачи; я въ этомъ съ тобою несогласенъ, и берусь помогать твоему го-

рю; совѣтуйся со мною всякій разъ, когда ты вздумаешь приняться за какое нибудь дѣло. Я обѣщался исполнять его приказанія.

«Этотъ человѣкъ былъ богатъ и великодушенъ; онъ содержалъ меня очень хорошо; должность моя состояла въ присмотрѣ за вьюкомъ верблюдовъ и пересчитываніи тюковъ при ихъ перекладкѣ. Я исполнялъ эту должность съ великою точностью каждый вечеръ. Однажды, это случилось въ самый день нашего прибытія въ Александрію, я полѣнился пересчитать тюки, будучи увѣренъ, что они всѣ на лицо. Начали перегружать ихъ на корабль; что же? Недоставало трехъ тюковъ хлопчатой бумаги. Мой господинъ сдѣлалъ мнѣ выговоръ, но кроткій и слишкомъ милостивый. Черезъ крикуна возвѣстилъ онъ, что дастъ хорошее награжденіе тому, кто отыщетъ, пропажу, и пропажа нашлась; но корабль уже отвалилъ отъ берега. Мы, я и мой господинъ, сѣли въ шлюпку съ своею хлопчатою бумагою, догнали корабль, но капитанъ сказалъ намъ, что уже не было никакого способа помѣстить на немъ нашихъ товаровъ, что онъ уже былъ полонъ. Очень долго спо-

рили, наконецъ капитанъ согласился дать мѣсто на палубѣ нашимъ тремъ тюкамъ, а мнѣ приказано было стеречь ихъ днемъ и ночью.

«Въ продолженіе нашего плаванія не случилось съ нами никакого несчастія; но въ послѣднюю ночь, наканунѣ прибытія корабля въ Каиро, заснулъ я, выкуривъ свою трубку, на одномъ изъ тюковъ съ хлопчатою бумагою. Трубка была единственнымъ моимъ утѣшеніемъ, и я не разставался съ нею ни на минуту. Что же? Моя злая судьба и это невинное удовольствіе обратила въ мою погибель: вдругъ пробуждаютъ меня крики моихъ товарищей; вскакиваю. Что сдѣлалось? Я не высыпалъ пепла изъ моей трубки: хлопчатая бумага загорѣлась, и чалма на головѣ моей уже пылала! Я весь изжегся, и на лбу у меня выскочило множество волдырей; а когда затушили огонь, то капитанъ корабля торжественно объявилъ, что онъ не согласится ни за какія деньги держать на своемъ суднѣ такого человѣка, который причиною всѣхъ несчастій; и добрый мой господинъ, удостовѣренный опытами, что непріязненная звѣзда моя не позволяетъ мнѣ быть исправнымъ слу-

гою, рѣшился со мною разстаться. Онъ далъ мнѣ кошелекъ съ пятьюдесятью цехинами и сказалъ: теперь ты свободенъ, Мурадъ; постарайся употребить на пользу свою эти цехины, и участь твоя, можетъ быть, перемѣнится. Увы, я не имѣлъ никакой надежды на счастіе, однако рѣшился послѣдовать доброму совѣту и сдѣлать выгодное употребленіе изъ моихъ цехиновъ.

«Прошла недѣля. Въ одинъ день, прохаживаясь по улицамъ великаго Каира, я встрѣтился съ человѣкомъ, котораго лицо показалось мнѣ знакомо. Всматриваюсь, узнаю того Жида, который ссужалъ меня деньгами въ лагерѣ Эль-Ариша. Не могу понять, что привело этого проклятаго Еврея въ Каиро: конечно судьба моя шепнула ему на ухо: *ты найдешь въ этомъ городѣ Мурада; счастливый путь*! Онъ привязался ко мнѣ съ требованіемъ, чтобы я заплатилъ ему долгъ, грозя объявить меня *бѣглымъ солдатомъ*, хотя извѣстно было ему, что я бѣжалъ по неволѣ, будучи брошенъ больной на дорогѣ. Я старался умилостивить своего сердитаго заимодавца; шумѣли, шумѣли, наконецъ условились, чтобы я за-

платилъ ему капиталъ, и чтобы онъ отсрочилъ мнѣ платежъ процентовъ, за что я обязывался купить у него связку платья, доставшагося ему изъ вторыхъ рукъ, и которое онъ соглашался уступить за весьма дешевую цѣну по той причинѣ, что ему необходимо нужно было, какъ можно скорѣе, уѣхать изъ Каиро. Онъ показалъ мнѣ платье, и въ самомъ дѣлѣ оно было очень богатое; словомъ сказать, я купилъ этотъ товаръ въ твердой увѣренности, что продамъ его скоро и за хорошія деньги.

«Въ самомъ дѣлѣ такъ и случилось: я вынесъ платье свое на рынокъ, купцевъ нашлось очень много, и въ нѣсколько дней все мое сокровище было раскуплено, а я остался съ порядочнымъ барышемъ.

«Дней черезъ пять приходитъ ко мнѣ одинъ дамасскій купецъ, который купилъ у меня два невольничьихъ платья, и объявляетъ, что тѣ изъ его невольниковъ, для которыхъ были они куплены, заразились чумою, и что онъ полагаетъ мои платья причиною этой заразы. Я никакъ не могъ вообразить, чтобы это была правда; пошелъ на базаръ; тамъ встрѣтились со мною многіе изъ моихъ покуп-

щиковъ, которые объявили мнѣ тоже, что и купецъ дамасскій. Я показалъ имъ на свои ноги. Видите ли вы эти прекрасныя туфли, государи мои, сказалъ я имъ: онѣ находились въ одномъ ящикѣ съ моими платьями; захотѣлъ ли бы я ихъ надѣть, когда бы воображалъ, что онѣ заражены чумою? Слова мои нѣсколько ихъ успокоили. На другое утро однако одинъ изъ этихъ господъ приходитъ ко мнѣ въ домъ и говоритъ: Что ты надѣлалъ, Мурадъ! всѣ мои невольники, которыхъ одѣлъ я въ купленное у тебя платье, заражены чумою.-Я затрепеталъ.

Мы начинаемъ разсматривать тотъ ящикъ, въ которомъ прежде лежало платье. Что же? На крышкѣ находимъ изглаженную надпись: *Смирна*, а въ Смирнѣ за нѣсколько времени передъ тѣмъ свирѣпствовала страшная зараза. Тутъ догадался я, для чего мой жидъ не хотѣлъ самъ продавать своего товара, и вспомнилъ, что онъ, приподнимая крышку ящика (чтобы показать мнѣ платья), держалъ подъ носомъ губку, обмоченную въ уксусъ, увѣряя меня, что запахъ мускуса для него ужасно вреденъ.

Сказываютъ, что робость располагаетъ наше тѣ-

ло къ принятію чумы. Если это правда, то вѣрно никто на свѣтѣ не могъ такъ скоро приготовленъ быть къ этой болѣзни, какъ я въ ту минуту: мысль, что я буду причиною распространенія моровой язвы, и что, можетъ быть, она уже вошла въ мое тѣло, такъ устрашила меня, что я въ туже минуту занемогъ жестокою горячкою.

«Очень долго пролежалъ я безъ всякой памяти. Пришедши въ чувство, увидѣлъ я себя въ хижинѣ, на соломѣ; въ углу сидѣла старушка и курила табакъ. Она объявила мнѣ, что кади велѣлъ меня выбросить за городъ, и что мой домъ былъ срытъ до основанія и сожженъ. Безъ меня, бѣдный человѣкъ, ты уже давно бы умеръ; но я дала обѣщаніе великому пророку не опускать ни одного случая сдѣлать доброе дѣло. Вотъ твой кошелекъ, который мнѣ удалось спасти отъ жадной черни, и, что еще болѣе, отъ когтей правосудія. Сначала укрѣпись, а послѣ разочтемся.

«Сверхъ всякаго чаянія, зараза меня не умертвила. Я посылалъ старушку узнать, что дѣлается въ Каирѣ. Чума уменьшается, сказала она мнѣ; я видѣла однако множество погребеній. Всѣ жители про-

клинают какого-то *Мурада, несчастнаго человѣка.»* Я, простившись съ моею избавительницею, вступилъ въ лазаретъ, чтобы выдержать карантинъ и потомъ уѣхать изъ Каиро, гдѣ всѣ ненавидѣли бѣднаго Мурада. Мнѣ вошло въ голову, что всѣ несчастія мои происходили отъ моего небреженія о драгоцѣнномъ талисманѣ, мною наслѣдованномъ отъ отца. Три ночи сряду видѣлъ я во снѣ какого-то генія, который увѣщавалъ меня вспомнить о чудотворной фарфоровой вазѣ, и я рѣшился возвратиться въ Константинополь, съ твердымъ намѣреніемъ поправить свою ошибку. Въ пристани спрашиваю у перваго попавшагося мнѣ носильщика, не знаетъ ли онъ чего нибудь о Саладинѣ? «Какъ не знать,» отвѣчалъ носильщикъ: «и кому въ Константинополѣ неизвѣстенъ Саладинъ *счастливецъ?»* — Гдѣ жь его домъ?—Мнѣ указали великолѣпныя палаты. Я никакъ не могъ повѣрить, чтобы это было жилище моего брата, и долго не рѣшался въ него войти. Но въ это время Саладинъ самъ явился въ дверяхъ богатаго дома; онъ узналъ меня, и съ восклицаніемъ радости бросился ко мнѣ на шею. Я поздравлялъ его съ такою бле-

стящею фортуною. Вотъ, Саладинъ, сказалъ я ему ты не вѣрилъ мнѣ, что люди родятся или счастливыми или несчастными; но ты перестанешь въ этомъ сомнѣваться, когда я разскажу тебѣ свои приключенія. Не подумай однако, чтобы я поселился въ твоемъ домѣ; нѣтъ, другъ мой, несчастія мои заразительны: могу ли я пожелать тебѣ погибели! Я пришелъ сюда только затѣмъ, чтобы взять у тебя свою фарфоровую вазу. Братъ мой очень много смѣялся моимъ разсужденіямъ, и хотѣлъ непремѣнно, чтобы я поселился въ его домѣ. Саладинъ не перемѣнилъ нимало своего любезнаго характера: онъ былъ по прежнему скроменъ и доступенъ. Выслушавъ съ терпѣніемъ мою повѣсть, онъ разсказалъ мнѣ весьма подробно о томъ что́ случилось съ нимъ послѣ нашей разлуки. Въ приключеніяхъ его не было ничего необычайнаго, и можно было заключить изъ его словъ, что онъ сдѣлался счастливъ по естественному ходу вещей. Но для меня его мнѣніе было совсѣмъ не убѣдительно; я остался при той мысли, что ему помогала счастливая звѣзда, а меня преслѣдовала несчастная и злая.

И не прошло четырехъ дней послѣ моего переселенія въ домъ Саладиновъ, какъ уже онъ почувствовалъ, что у него живетъ любезный братецъ его Мурадъ. Та самая султанша, которой Саладинъ продалъ свою вазу, поручила ему выписать для нея изъ Венеціи большое, дорогой цѣны зеркало.

Саладинъ исполнилъ это порученіе. Зеркало уже въ пристани; онъ приказываетъ невольникамъ перенести его къ себѣ въ домъ, а самъ идетъ къ султаншѣ съ объявленіемъ, что зеркало, ею требуемое, привезено. Было уже поздно: султанша приказала моему брату поберечь эту драгоцѣнную вещь въ своемъ домѣ до слѣдующаго утра. Зеркало поставили въ одной горницѣ нижняго этажа, которая имѣла сообщеніе съ моею; въ этой же горницѣ стояло и нѣсколько бронзовыхъ люстръ, купленныхъ Саладиномъ для своего дома. Надобно вамъ знать, что дня за два передъ тѣмъ сдѣлалась у нашего сосѣда покража; по улицамъ константинопольскимъ шаталось много бродягъ. Братъ мой, имѣя большую сумму наличныхъ денегъ, приказалъ невольникамъ стоять попремѣнно на караулѣ ночью. Вотъ случай доказать

усердіе мое Саладину, подумалъ я, и расположился не спать во всю ночь, растворилъ двери своей горницы для того, чтобы малѣйшій шорохъ могъ разбудить меня, сѣлъ противъ нихъ совсѣмъ одѣтый, положивъ подлѣ себя обнаженную саблю, и заснулъ. Въ полночь послышался мнѣ какой-то шумъ; вскакиваю; саблю въ руки, иду къ дверямъ; при слабомъ свѣтѣ лампады, которая горѣла въ прихожей горницѣ, вижу человѣка, вооруженнаго саблею. Кричу во весь голосъ: кто идетъ? Нѣтъ отвѣта. Подымаю саблю и выступаю впередъ; неизвѣстный также подымаетъ саблю и выступаетъ впередъ. Мнѣ оставалось только предупредить ударъ его своимъ ударомъ, и я грянулъ въ него изо всей силы. Что же? — Врагъ мой исчезъ; зазвенѣло, застучало; на меня посыпались стекла. О судьба! я разбилъ зеркало, привезенное для султанши. На стукотню сбѣжался весь домъ; наконецъ является и братъ мой Саладинъ, и что же онъ видитъ? Мурада, плачущаго на развалинахъ драгоцѣннаго зеркала, имъ разрушеннаго. Въ самомъ дѣлѣ Мурадъ несчастный, сказалъ братъ мой съ нѣкоторою досадою; но въ туже мину-

ту, опомнившись, подалъ мнѣ руку, и прибавилъ съ усмѣшкою: прости мнѣ, Мурадъ, я укоряю тебя напрасно. Ты не имѣлъ никакого дурнаго намѣренія; а это несчастіе весьма скоро можетъ быть исправлено.

Братъ мой казался веселымъ, но въ самомъ дѣлѣ ему нельзя было не безпокоиться: онъ не зналъ, какъ приметъ султанша извѣстіе о несчастіи, случившемся съ ея зеркаломъ! Я съ своей стороны, будучи увѣренъ, что раззорю Саладина въ конецъ, если еще нѣсколько времени пробуду въ его домѣ, рѣшился въ туже минуту съ нимъ разлучиться, и сообщаю ему это намѣреніе. Братъ мой, видя, что оно непоколебимо, сказалъ мнѣ: Пожалуста, Мурадъ! Въ одномъ изъ моихъ магазиновъ очистилось мѣсто фактора; не согласишься ли ты его занять? Должность твоя будетъ самая легкая; впрочемъ, и самыя ошибки твои не могутъ мнѣ сдѣлать никакого вреда: я богатъ, и опущеніе какой нибудь бездѣлицы нимало не будетъ для меня раззорительно.

«Добродушіе Саладина тронуло меня до слезъ; я въ тоже самое утро переселился въ этотъ магазинъ, въ которомъ вы теперь меня видите; а вве-

черу братъ мой прислалъ ко мнѣ драгоцѣнную мою вазу и при ней записку, въ которой написано было слѣдующее: «краска, найденная мною въ фарфоровой вазѣ, положила основаніе моему богатству; справедливость требуетъ, чтобы я раздѣлилъ его съ моимъ братомъ.»

«Признаюсь самъ, что я не могъ наслаждаться счастливымъ своимъ состояніемъ, зная, что братъ подверженъ былъ гнѣву первой султанши. Нынѣшнимъ утромъ прислалъ онъ мнѣ сказать, что султанша соглашается его простить, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ доставилъ ей такую же точно вазу, какую она за годъ передъ тѣмъ у него купила. Я обрадовался случаю пожертвовать своею драгоцѣнностію Саладину, и велѣлъ ему сказать, что принесу къ нему эту вазу самъ. Мнѣ хотѣлось ее хорошенько вымыть, потому что на днѣ ея находились еще нѣкоторые слѣды красной краски; я влилъ въ нее кипятку; вдругъ слышу: шипитъ; не успѣлъ мигнуть, какъ бѣдная моя ваза разлетѣлась на части. Послѣ этого судите, милостивые государи, не имѣю ли я права называть себя *несчастнымъ*, и не

лучше ли бы гораздо было, когда бъ я совсѣмъ не родился на свѣтъ!»

Въ эту минуту вошелъ въ горницу Саладинъ. Взглянувъ на своего брата, онъ догадался, что съ нимъ сдѣлалось какое нибудь новое несчастіе. Онъ ахнулъ, увидѣвши на полу развалины вазы; но, разсмотрѣвъ ихъ съ своимъ обычайнымъ присутствіемъ духа, сказалъ: Берусь склеить эти черепки, и ваза будетъ цѣла по прежнему.

«Видите ли, государи мои, воскликнулъ Мурадъ: счастіе слѣдуетъ за нимъ, какъ тѣнь. Ему стоитъ только показаться, чтобы всѣ сдѣлались довольны и веселы. И на вашихъ лицахъ изображается удовольствіе. Хотите ли его увеличить? Пускай Саладинъ разскажетъ вамъ свои приключенія.» — Охотно исполню ваше требованіе, сказалъ Саладинъ; но съ тѣмъ условіемъ, чтобы эти добрые чужестранцы у меня отужинали. — Султанъ любопытенъ былъ слышать исторію Саладина и пошелъ къ нему въ домъ. Послѣ ужина Саладинъ началъ разсказывать.

«Не думаю, чтобы въ моемъ младенчествѣ случилось со мною что нибудь необыкновенно счастли-

вое; но долженъ вамъ признаться, что наименованіе *счастливый* произвело во мнѣ великую довѣренность къ самому себѣ и къ фортунѣ; я сдѣлался высокомѣрнымъ, смѣлымъ: и это могло бы мнѣ обратиться во вредъ, когда бы одинъ бездѣльный случай, сдѣлавшій на душѣ моей глубокое впечатлѣніе, не излечилъ меня совершенно отъ сей болѣзни. Въ Константинополѣ находился одинъ французскій инженеръ, который пользовался отмѣнною милостію султана. Онъ праздновалъ рожденіе повелителя правовѣрныхъ и далъ фейерверкъ. Зрителей собралось чрезвычайно много, и я былъ въ томъ числѣ. Намъ многократно кричали: отойдите; фейерверкъ *опалитъ васъ*. Тѣ, которые стояли подлѣ меня, отдалились; а я, въ крѣпкой надеждѣ на доброхотную мою звѣзду, остался на прежнемъ мѣстѣ, и черезъ минуту былъ осыпанъ огнемъ, который опалилъ мнѣ лице и руки.

Инженеръ, услышавъ о моемъ приключеніи, навѣстилъ меня въ моемъ домѣ. Я имѣлъ счастіе ему понравиться; мы познакомились, и я много извлекъ пользы изъ разговоровъ съ этимъ почтеннымъ человѣкомъ. Онъ принудилъ меня смотрѣть безъ

предубѣжденія на многія вещи, о которыхъ я имѣлъ понятіе совсѣмъ ложное; напримѣръ, онъ истребилъ во мнѣ безразсудную мысль, будто обстоятельствами нашей жизни управляетъ счастіе и несчастіе. Что такое счастіе, говорилъ онъ: благоразуміе и искусство. Что такое несчастіе: глупость, опрометчивость, неосторожность. Ты видишь, другъ мой, что безразсудная твоя неосмотрительность едва не привела тебя ко гробу. Оставь безсмысленной толпѣ вѣру въ счастіе. Пусть, кто хочетъ, называетъ тебя Саладиномъ *счастливымъ*; поступай такъ, чтобы имѣть право на почтенное имя Саладина *осторожнаго* и *мудраго*.

Слова этого благоразумнаго чужестранца оставили во мнѣ глубокое впечатлѣніе и дали другой оборотъ мыслямъ моимъ и предпріятіямъ. Вы, можетъ быть, уже слышали отъ Мурада, что мы нерѣдко спорили съ нимъ о предопредѣленіи, и что я никогда не соглашался вѣрить этой мечтѣ, подобно Мураду. Мы остались каждый при своемъ мнѣніи, и и эти мнѣнія, какъ я увѣренъ, были единственною причиною, какъ успѣховъ моихъ, такъ и его несчастій.

«Мурадъ конечно вамъ сказывалъ, что я разбо-

гатѣлъ отъ красной краски, найденной мною въ фарфоровой вазѣ. Безъ сомнѣнія, эту находку могу назвать случаемъ счастливымъ; но какую бы она принесла мнѣ пользу, когда бы я не употребилъ большихъ стараній на составленіе сначала краски изъ найденнаго мною порошка, потомъ и самого красильнаго порошка? Я согласенъ, что мы не властны предвидѣть происшествія и управлять ими; но я увѣренъ, что судьба наша зависитъ отъ того употребленія, которое мы дѣлаемъ изъ своихъ способностей.

«Вы слышали отъ Мурада, что я продалъ вазу свою первой султаншѣ; вырученныя за нее деньги дали мнѣ способъ привести въ порядокъ и распространить торговлю. Я былъ остороженъ въ дѣлахъ своихъ; наблюдалъ правила строгой умѣренности, и особенно старался честными способами понравиться тѣмъ людямъ, которые посѣщали мою лавку или имѣли со мною дѣло. Надобно признаться, что я во всемъ этомъ не имѣлъ неудачи: въ нѣсколько времени богатство мое превзошло мои надежды.

«Одно происшествіе произвело въ обстоятельствахъ моихъ великую перемѣну. Въ предмѣстіи *Пе-*

ръ сдѣлался пожаръ, неподалеку отъ сераля султанскаго. Будучи иностранцами, государи мои, вы не слыхали, можетъ быть, объ этомъ ужасномъ пожарѣ, но онъ привелъ въ волненіе всю нашу столицу. Великолѣпныя палаты визиря обращены были въ пепелъ; ближняя мечеть имѣла тужe участь. Я слышалъ разныя мнѣнія о причинахъ сего несчастія: одни называли его гнѣвомъ неба, которое наказало султана за то, что онъ въ одну Пятницу не ходилъ въ мечеть; другіе увѣряли, что Магометъ сердитъ былъ на султана за то, что онъ вмѣшался въ невыгодную войну, и что за тужe вину сжегъ палаты его визиря; а всѣ политики наши утверждали единодушно, что вышнею судьбою было опредѣлено въ такой-то день и часъ сгорѣть нѣсколькимъ домамъ въ предмѣстіи Перѣ. Изъ всѣхъ этихъ многоразличныхъ мнѣній выходило то, что жители Константинополя совсѣмъ не почитали за нужное брать предосторожности противъ пожара, и въ это время пожары случались почти каждую ночь. Нерѣдко ловили вооруженныхъ фитилями зажигателей, которые, пользуясь общею безпечностію, про-

исходившею отъ глупаго предразсудка, основывали свои выгоды на несчастіи народа. Но сіи открытія не уменьшали гибельной вѣры въ предопредѣленіе; что же касается до меня, то я не позволялъ себѣ покориться общему суевѣрію, а употреблялъ всѣ способы для предохраненія моего дома отъ пожара. На дворѣ моемъ вырытъ былъ водоемъ, довольно обширный и всегда наполненный водою; домы, смежные съ моимъ, часто загорались, но ни одинъ изъ нихъ не былъ жертвою пожара, благодаря пособію, подаваемому въ скорости мною. Сосѣди мои называли меня своимъ покровомъ; они безпрестанно твердили, что я рожденъ счастливымъ, и что все ко мнѣ близкое заимствуетъ отъ меня счастіе.

«Въ одинъ вечеръ, отужинавъ у своего пріятеля, я возвращался довольно поздно домой; вдругъ примѣчаю, что жолобъ одного изъ городскихъ фонтановъ своротенъ былъ въ сторону, такъ, что вода бѣжала черезъ бассейнъ, въ которомъ отъ этого не было ни капли воды. Совсѣмъ не воображая, чтобы это сдѣлано было съ умысломъ, я поправилъ жолобъ, и пошелъ далѣе. Вижу другой жолобъ,

также своротенный въ сторону; вижу еще нѣсколько жолобовъ, и съ ними сдѣлано тоже, что съ первыми. Это меня поразило, и наконецъ я догадался, что мошенники, умышляя сдѣлать въ той части города пожаръ, старались уничтожить заранѣе всѣ способы къ его потушенію. Сначала не зналъ я на что рѣшиться; хотѣлъ разбудить караульныхъ, которые очень спокойно спали; но мнѣ пришло въ голову, что караульные могли быть сами въ заговорѣ; въ противномъ случаѣ они давно бы примѣтили, что всѣ жолобы перемѣнили положеніе, и я рѣшился разбудить своего сосѣда Цаматъ-Сади, богатаго купца, имѣвшаго множество невольниковъ, которые могли въ одну минуту разсѣять по всему городу тревогу. Цаматъ-Сади недолго думалъ; тотчасъ послалъ онъ объявить великому визирю, что городъ въ опасности, и что прежде всего надобно подумать о сохраненіи священной особы султана; потомъ разбудили и главныхъ чиновниковъ города. Янычарскій ага велѣлъ бить въ бубны, и весь городъ былъ уже въ тревогѣ, когда показалось пламя въ нижнемъ этажѣ Цаматъ-Садіева дома. Зло-

дѣи, собравшіеся толпою, чтобы воспользоваться общимъ замѣшательствомъ, взяты были подъ стражу. Словомъ сказать, благодаря предосторожностямъ нашимъ, пожаръ затушили въ ту самую минуту, въ которую онъ оказался.

«На другой день, при появленіи своемъ на базарѣ, былъ я окруженъ купцами; меня обнимали, благодарили, называли благотворителемъ. Цаматъ-Сади подарилъ мнѣ драгоцѣнный алмазъ и кошелекъ съ золотыми монетами; примѣру его послѣдовали другіе купцы и городскіе чиновники, а визирь прислалъ мнѣ богатый перстень, съ запискою: *спасителю Константинополя*.

«Такимъ образомъ въ однѣ сутки судьба моя совершенно перемѣнилась: я сдѣлался богатъ и славенъ, началъ вести жизнь, соотвѣтственную новой моей фортунѣ, переселился въ богатый домъ и накупилъ множество невольниковъ. Нѣсколько дней спустя послѣ моего новоселья, на базарѣ я встрѣтился съ Жидомъ, который, отведя меня въ сторону, сказалъ таинственнымъ голосомъ: ты купилъ многихъ невольниковъ; тебѣ надобно ихъ одѣть; не

10

хочешь-ли, я продамъ тебѣ за дешевую цѣну прекрасныя платья? Наружность этого человѣка не понравилась мнѣ съ перваго взгляда, и я хотѣлъ уже ему отказать; но, подумавъ, что выгоды своей никогда терять не должно, спросилъ, за какую цѣну располагается онъ продать свои платья. Онъ удивилъ меня отвѣтомъ: цѣна была необыкновенно дешевая. Начинаю разспрашивать, какимъ образомъ достались ему эти платья; онъ отвѣчаетъ весьма двусмысленно: это заставило меня подумать, что платья или украденныя, или зараженныя чумою. Жидъ показалъ мнѣ ящикъ; но я замѣтилъ, что онъ, прежде нежели открылъ его, потеръ себѣ носъ ароматическими травами. Запахъ мускуса мнѣ вреденъ, сказалъ онъ. «И мнѣ также,» возразилъ я: «и мнѣ должно взять предосторожность.» Жидъ поблѣднѣлъ, вообразивъ, что я проникнулъ его тайну; онъ вышелъ въ другую горницу, будто за ключемъ, и болѣе не возвращался. Между тѣмъ я началъ разсматривать ящикъ, и на крышкѣ увидѣлъ совсѣмъ почти изглаженную надпись: *Смирна*. Это подтвердило мою догадку. Въ тотъ же день опять я встрѣ-

тилъ моего Жида, выходящцаго изъ воротъ Цаматъ-Сади. Спрашиваю у своего сосѣда, какое имѣетъ онъ дѣло съ Жидомъ. Цаматъ-Сади отвѣчаетъ мнѣ, что этотъ человѣкъ вызывается продать ему невольничьи платья. «Остерегись, Цаматъ-Сади. Я имѣю причину думать, что эти платья заражены чумою.» Я сообщилъ Цамату сдѣланныя мною примѣчанія; онъ очень много меня благодарилъ. Мы пошли къ кадію съ доносомъ; но кади нѣсколько замѣшкался взять Жида подъ стражу; онъ скрылся и съ своимъ платьемъ.

«Мнѣ удалось видѣть Фатиму, дочь Цаматъ-Садія, въ то время, когда она шла въ мечеть; стройность ея стана меня поразила. Я не осмѣлился однако требовать ея руки у Сади, который вдесятеро былъ меня богаче. Но услуга, оказанная ему мною, расположила его въ мою пользу. Онъ праздновалъ день рожденія своей дочери. «Саладинъ, сказалъ онъ мнѣ: праздникъ данъ будетъ у меня въ саду; хочешь ли смотрѣть на него съ балкона? Ты можешь увидѣть и дочь мою безъ покрывала.» — Избави меня отъ этого Богъ! Я видѣлъ твою

дочь издали; она оставила глубокое впечатлѣніе въ моемъ сердцѣ. Я не хочу усиливать этого чувства, ибо знаю, что дочь твоя не сотворена быть женою Саладина. — «Кто тебѣ это сказалъ? воскликнулъ Цаматъ-Сади. Дочь моя тебѣ нравится? Въ добрый часъ! будь ея мужемъ!» Не стану вамъ открывать своей радости Черезъ нѣсколько времени я сдѣлался счастливымъ супругомъ. Фатима, прекрасная лицомъ, прекрасна и душею: мы живемъ согласно. Цаматъ-Сади отдалъ мнѣ свой огромный домъ, и теперь, имѣя большое богатство, съ милою женою, почитаю себя совершенно счастливымъ; мнѣ ничего не остается желать на свѣтѣ, когда увижу счастливымъ и добраго моего Мурада. Что же касается до разбитаго зеркала и вазы, то мы постараемся помочь этому горю. Султанша. . .

«Не бойтесь гнѣва ея, сказалъ султанъ, сбросивъ съ себя верхнее платье, подъ которымъ сокрыта была императорская одежда... Саладинъ, я доволенъ твоею повѣстію, и признаюсь охотно, что называемое счастіемъ въ поступкахъ людей приличнѣе называть осторожностію и благоразуміемъ.

Саладинъ долженъ быть прозванъ *счастливымъ* и *разсудительнымъ*; а Мурадъ заслуживаетъ болѣе наименованіе *неосторожнаго*, нежели *несчастнаго.*» Такъ говорилъ султанъ. Онъ предложилъ Саладину достоинство паши и важную должность губернатора одной провинціи, но осторожный Саладинъ, довольствуясь скромнымъ и безопаснымъ счастіемъ, съ почтительностію отклонилъ отъ себя это предложеніе. Я счастливъ, говорилъ онъ, и желаніе быть счастливѣе было бы для меня весьма безразсудно.

А Мурадъ? Мурадъ продолжалъ вѣрить предопредѣленію, жаловаться на свои неудачи, пить опіумъ и дурачиться, приписывая всѣ дурачества свои неизбѣжному жребію.

(Изъ *Эджевортъ.*) *Переводъ В. А. Жуковскаго.*

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

УСЕРДСТВУЕТЪ ИГУМЕНЪ АНТОНІЙ